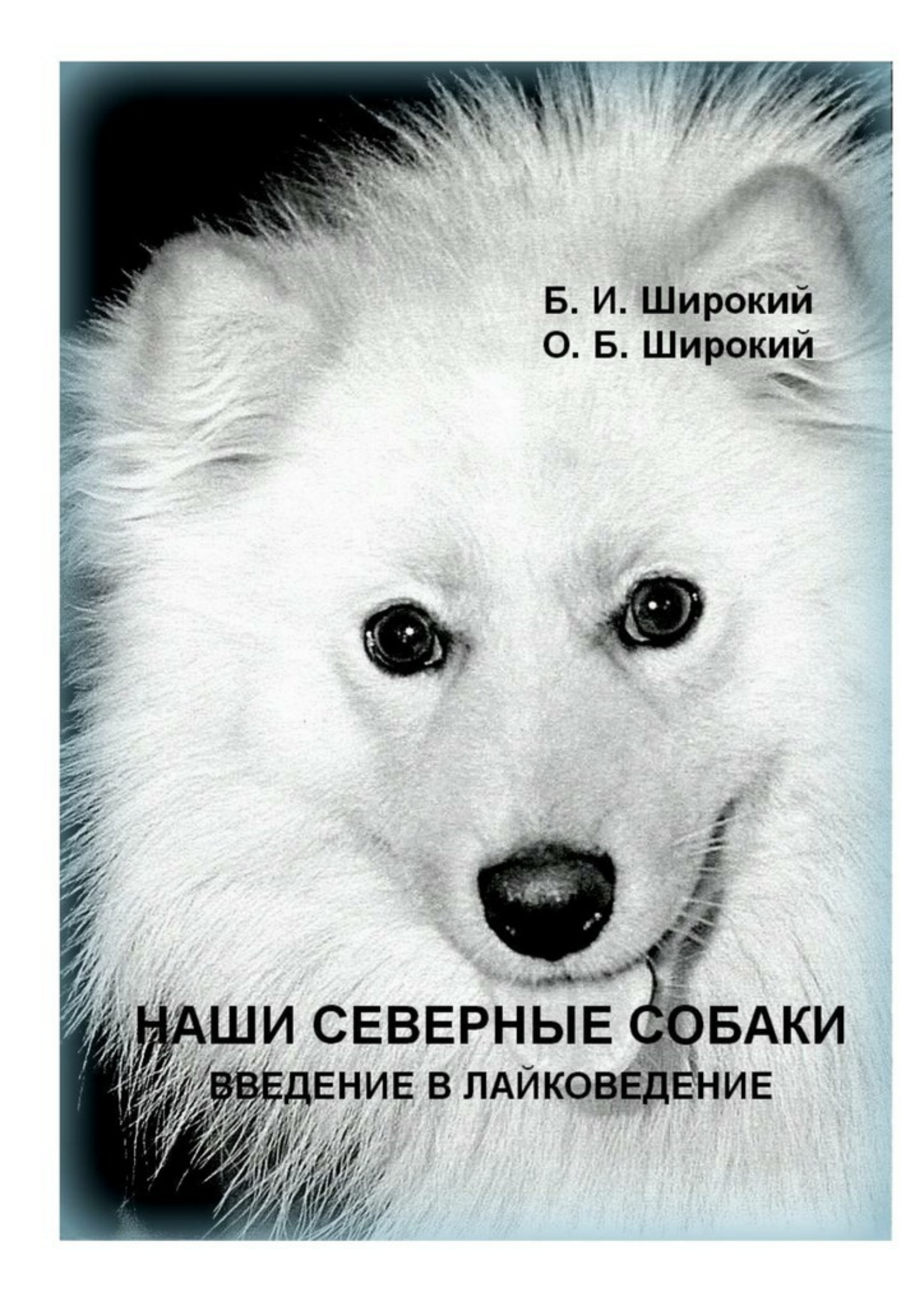

A close-up photograph of a white Samoyed dog's face, looking directly at the camera with large, dark eyes. The fur is thick and white, framing the face.

**Б. И. Широкий
О. Б. Широкий**

НАШИ СЕВЕРНЫЕ СОБАКИ
ВВЕДЕНИЕ В ЛАЙКОВЕДЕНИЕ

Борис Широкий

**Наши северные собаки.
Введение в лайковедение**

«Издательские решения»

Широкий Б.

Наши северные собаки. Введение в лайководение /
Б. Широкий — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-850925-4

Наш опыт общения с лайками и любителями собак показал, что нужна книга, где были бы популярно изложены азы лайководения — сами такую искали. Люди так много знают обо всех собаках, но о породах лаек даже эксперты имеют, оказывается, самое поверхностное представление. Мы — не исключение, немало нового узнали, пока сочиняли этот рассказ. И хотим поделиться им в надежде, что прочтение послужит интересам наших северных собак — они в этом нуждаются.

ISBN 978-5-44-850925-4

© Широкий Б.
© Издательские решения

Содержание

1. Тема, объект, термины и направленность	6
2. Доисторические лайки	21
3. Исторические лайки	32
3.1. Досоветские лайки	33
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Наши северные собаки Введение в лайководение

**Борис Широкий
Олег Широкий**

*Посвящаем всем лаечникам, лайководам и лайковедам –
незнакомым, знакомым, коллегам, товарищам, приятелям, друзьям,
родным. И, конечно же —
лайкам.*

© Борис Широкий, 2017

© Олег Широкий, 2017

ISBN 978-5-4485-0925-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Щенок ненецкой лайки Ляля Кинос Л. В. Спириной приглашает к разговору о наших северных собаках. Фото Б. Широкого.

На обложке – ненецкая лайка Сери (Шурик) Л. В. Спириной. Из села Ваеги, что на Чукотке. Фото А. Пчелинцева.

1. Тема, объект, термины и направленность нашего рассказа

Пёс – это самое важное, на чем стоит Земля-верность.

О. Широкий. «Батый: Полет на спине дракона», 2005.

*За успех нашего безнадежного предприятия!
Известный тост.*

Безнадежно ли наше предприятие – книжка, написанная в интересах исчезающих и здравствующих пород лаек – покажет время. Теперь же, чтобы ввести читателя в тему нашей работы, мы должны её уточнить и попутно разобраться в терминологии.

РЕЧЬ ПОЙДЕТ О НАШИХ СЕВЕРНЫХ СОБАКАХ ИЛИ ЛАЙКАХ.¹ Казалось бы – всё понятно.... Но предвидим уже здесь возражения и недоумения читателей, особенно тех, кто знаком с литературой о лайках, где, как известно, имеет место терминологическая путаница. Вопросы могут быть и по поводу однозначности понятий «наши северные собаки» и «лайки», и какой-то неконкретности слова «наши», да и «Север» люди понимают очень по-разному.

Мы не ставим задачу критики невольных участников некоторой неразберихи в «лаечной» терминологии – авторов публикаций об этой группе пород собак. Тем более что у нас, лаечников – общий предмет любви. Постараемся лишь аргументировано показать наше понимание тех или иных выражений, относящихся к теме.

Слово «лайка» появилось в кинологической литературе под конец XIX века, когда в России на собак «инородцев» обратили внимание интеллигентные охотники. И хотя наш рассказ – о лайках, негоже обходить здесь вниманием тех, кто их любил, понимал, знал, изучал, разводил, пользовался их услугами – о лаечниках и лайковедах.

Великий охотник, натуралист и исследователь Андрей Александрович Ширинский-Шихматов (1862—1927). Из: Пискунов, 2008²

¹ Здесь и везде таким шрифтом акцентируем мы.

² Здесь и везде, заимствуя иллюстрации, мы сохраняем авторские подписи.

Очевидно, что основоположником лайковедения и официального признания термина «лайка» следует считать разносторонне образованного и так же деятельного князя Андрея Ширинского-Шихматова, страстного охотника, медвежатника... Младшему же автору настоящего повествования, рождённому в Саратове, лестно было узнать ещё и то, что князь был губернатором Саратовской губернии (с 1913-го по 1915-й год).

С лайками Андрей Александрович охотился, проводил их экспертизу на выставках, разводил в своём питомнике... А. В. Пискунов (2008) сообщает о князе: «На его псарне перебывало более 600 лаек разных пород и происхождения – **зырянские, карельские, вогульские**».³ Не удивительно, что в 1895 году появился роскошно изданный первый выпуск его «Альбома северных собак (лаек)» с предисловием Л. П. Сабанеева. Этот выпуск посвящен **корельским (карельским) и зырянским лайкам**. 39 листов размером 34×48 см: убористый текст на двух листах о северных собаках, карта распространения северных собак (лаек), таблицы измерений по живым экземплярам, измерений и профилей черепов, и 30 фотографий лаек. Все фото оформлены известным анималистом А. С. Степановым виньетками охотничьих сюжетов. А на обложке и титуле обозначено свидетельство благотворительности Андрея Александровича: «Вся выручка с издания поступает на устройство колоний для прокажённых в Якутской области»...

Предполагалось, что будет около десяти выпусков альбома. Известен же только первый. Видно, не получилось. О причинах можно только догадываться...

Задача непростая, требующая времени и усилий. А князь был востребован для дел государственных, для губернаторства.... Затем – революции, гражданская война.... Но лайковед Ширинский-Шихматов служил породам северных собак и до, и после известного социального катаклизма. Свидетельством этого – его публикации (1896, 1925, 1927 и др.).

Вот как выглядит титул этого ценнейшего издания о лайках позапрошлого столетия.

Титульный лист «Альбома северных собак (лаек)» князя Андрея Ширинского-Шихматова, 1895

Казалось бы, что во времена общественных потрясений не до собак, но лайками, раз уж начали, продолжали заниматься на разных уровнях и на фоне войн (покажем читателю и далее).

К содержанию альбома мы вернёмся в главе о досоветских лайках. Пока же акцентируем: «северные собаки» и «лайки» у Ширинского-Шихматова – почти синонимы. Почему «почти»? Да потому, что из всего содержания альбома следует – князь называет лайками только НАШИХ северных собак, СОБАК АБОРИГЕНОВ СЕВЕРА ЕВРАЗИИ – НАШЕЙ

³ Здесь и везде мы выделяем особым шрифтом разные названия наших северных собак.

с Вами, читатель, ЗЕМЛИ. Отнюдь, не Америки, Африки, Австралии и Юга Евразии. Тех северных (лучше – шпицеобразных) собак, если угодно, можно называть лайкоподобными (сибирских хаски, сиба-ину и других). Вот чьи собаки названы в альбоме лайками: «На нашем материке, начиная с далёкого востока, северная собака, разбившись на разновидности, служит всем инородцам Сибири: на Камчатке – камчадалу, чукчу, коряку и юкагиру; затем тунгусу, сойоту, якуту, остяку и вогулу, самоеду, зырянину и кореляку, лопарю и финну. На севере Швеции и Норвегии мы встречаем ту же северную собаку».

А. С. Степанов (1858—1923). Лось и лайки. 1900—1910. Бумага, гуашь. 49.5×70. Ростовский областной музей изобразительных искусств. Открытка изд. «Изобразительное искусство», Москва, 1978

Отметим ещё, что иллюстратор альбома А. С. Степанов тоже использовал термин «лайки» – видно из названия его работы. Показываем её также из тех соображений, что этот художник был точен, изображая животных. Цветного фото тогда не было, а тут имеем возможность лицезреть лаек рубежа столетий, их окрасы.... Определить принадлежность к той или иной аборигенной породе вряд ли у кого получится. Возможно лишь исключить собак Восточной Сибири и Дальнего Востока – там другие лоси, их конечности не бывают такими светлыми.

Первую монографию о лайках опубликовала М. Г. Дмитриева-Сулима. Мы располагаем вторым, исправленным и дополненным изданием 1911 года (тоже – библиографическая редкость). Из его предисловия понятно, что первое было выпущено на 12 лет раньше. Странно, что ни в каких списках литературы первое издание никак не упоминается.

Самобытная, талантливая женщина, охотница с лайками Мария Григорьевна была одержима Севером, северными собаками. Она изъездила, изучая их (по её же словам) «всю Пермскую, часть Тобольской и Оренбургской, всю Уфимскую, Самарскую, Псковскую, Новгородскую губернии, Финляндию и Урал». На своих лошадях с лайками она проехала через Сибирь до Иркутска и дальше по р. Лене до берегов Ледовитого океана. Перешла от Якутска через перевалы Саянского (наверное, Станового – Б. и О. Ш.) хребта к Охотскому морю, добралась до Сахалина. Во время войны с Японией Мария Григорьевна попала в плен и, будучи женщиной решительной и смелой, сумела бежать. Тридцать лет она разводила лаек, не раз приручала волчат. И не судьба ли – Мария Григорьевна закончила свою жизнь не где-нибудь, а на заимке с названием «*Лайская*»), что вблизи ст. Тундра (Марков, 1988).⁴

Из всего видно, что М. Г. Дмитриева-Сулима знала лаек далеко не понаслышке, что к её словам стоит прислушаться.

⁴ Здесь и везде подчёркиваем мы.

«Северная собака – это было бы самое верное название той многочисленной породы собак, которую охотники зовут «лайкой...» – пишет М. Г. Дмитриева-Сулима (1911). Но тут же замечает, что «определение «северная» тоже не точно и не отвечает действительности: собаки этого типа встречаются даже в Африке, Америке и всюду в Азии».

Так что «лайки» и «северные собаки» – понятия не совсем идентичные.

Мария Григорьевна Дмитриева-Сулима. Из: Марков, 1988

М. Г. Дмитриева-Сулима на охотничьей заимке. Из: Марков, 1988

А вот профессор Н. А. Смирнов (1936) определяет «лайку» так: «Под именем лаек мы подразумеваем группу примитивных (в большинстве совершенно) пород собак древнего происхождения, мало изменившихся со времени первого приручения и потому сходных с дикими родичами не в одном – двух признаках, а в целом их комплексе. Малая степень изменения с момента одомашнивания ведёт за собой и сравнительно слабую дифференцировку на отдельные породы, т. е. близкое сходство между последними. Как это характерно для пород примитивных, лайки до сих пор (за немногими исключениями) подвергаются в большей степени воздействиям факторов природы, по сравнению с породами заводскими, и в меньшей – воздействиям со стороны человека; иначе говоря, влияние естественного отбора до сих пор ещё весьма сильно, в противовес влиянию отбора искусственного».

Определение дано до того, как у нас появились заводские породы лаек. Как и лаконичная, но точная дефиниция В. В. Рябова (1939): «У северных народностей имеются остроухие собаки, которых принято называть лайками».

Уважая классиков, мы подписываемся под их определениями, но понимаем термин «лайка» так же, как его автор А. А. Ширинский-Шихматов. И, как это делают многие кинологи, в т. ч. зарубежные, ЛАЙКАМИ МЫ НАЗЫВАЕМ ТОЛЬКО *НАШИХ* СЕВЕРНЫХ СОБАК, ПОРОДЫ СОБАК НАРОДОВ СЕВЕРА КОНТИНЕНТА ЕВРАЗИЯ – НАШЕГО КОНТИНЕНТА. Вполне справедливо и резонно названы лайками и четыре заводские (куль-

турные) породы наших северных собак: **карело-финская, русско-европейская, западно-сибирская и восточносибирская лайки**. Они произведены из собак народов нашего Севера и в значительной степени сохраняют весь комплекс признаков своих примитивных предков (внешность, физиология, психика, поведение...) – необходимые условия того, чтобы иметь право называться лайками. Слово «лайка» появилось у нас, без перевода употребляется во многих странах применительно к нашим северным собакам. Оно вполне нейтральное – подходит и собаке таёжника, и той, что сопровождает тундрового кочевника, и бегущей в упряжке рыболова и охотника на морзверя, и нашим северным собакам заводского разведения.

Таким образом, ПОНЯТИЯ «ЛАЙКИ» И «*НАШИ СЕВЕРНЫЕ СОБАКИ*» ОДНОЗНАЧНЫ.

Близкое по значению – слово «шпиц». В зарубежной кинологии оно употребляется в непривычном для нас довольно широком смысле. Так, наиболее авторитетная в Европе Международная кинологическая федерация (FCI) выделяет большую группу шпицеобразных собак с названием «Шпицы и их прототипы». Поэтому можно встретить слово «шпиц», например, в таком странном для нас сочетании как «гигантский шпиц» – применительно к японской лайкообразной породе акита-ину. В группу «Шпицев...» включены и заводские породы лаек.

У нас же обычно принято называть шпицами только небольших лайкоподобных собак, таких как немецкие шпицы, японский шпиц... Будем же готовы к встрече термина «шпиц», использованного как в широком, так и в узком его значениях.

Надеемся, читателю уже ясно, что наши северные собаки – это собаки нашего Севера. Но о «Севере» у людей тоже очень разные представления.

Считать ли Севером южную часть Дальнего Востока, о которой поговорка – «Широта крымская, долгота колымская»? Здесь не так уж давно бродил со своей лайкой известный всем нам гольд Дерсу Узала... А как же – считать!

С другой стороны, какая-нибудь территория нынешних то ли Брянщины, то ли Подмосковья, где условия мало отличаются в «тёплую» сторону от Дальнего Востока, тоже была когда-то родиной лаек, т. е. *северных* собак...

Конечно же, и Украина (Русь) не является исключением....

Разве не лайка изображена на черепке посуды культуры галицийской расписной керамики I-IV веков.

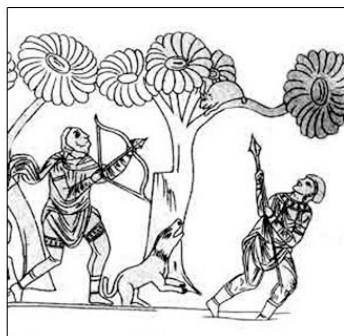
А в южной лестничной башне Софии Киевской сохранились фрески одиннадцатого (!) века, которые изображают охоту с лайками на белку (куницу?) и вепря.

Видеть древние фрески посчастливилось благодаря милой женщине Ольге Барской, заведующей Софийским музеем.

Ольга Барская – заслуженный деятель культуры Украины, но не это главное. Она тоже «собачница», к тому же искренняя защитница беспризорных животных. «Спокойно жить, когда рядом творится жестокое издевательство над братьями меньшими – *несправедливо, мерзко и подло*. Принимая участие в их судьбе, поддерживая в себе сострадание к ним, как и ко всем обездоленным, – только так мы и можем оставаться людьми» – думает, говорит и (что важнее всего) делает Ольга (Комарова, 2001).

Черепок глиняной посуды с рисунком собаки, из галичских находок (Бильчэ Золотэ) в музее Наук. Тов. Им. Шевченко. С рисунка В. Гр. Крычэвського. Из: Грушевський, 1913/1992

Фреска (фрагмент) Софийского собора в Киеве. Пропись В. А. Прохорова. Из: Пелевин, 1872

Как-то незаметно мы отклонились от чисто лаечьей темы к общей собачьей проблеме (может, больше – человеческой). Но ведь лаек это тоже ох как касается!...

Так вот. Называть «Севером» такие места как Украина, Подмосковье и подобные язык не поворачивается. Здесь определяющее значение имеет ещё и обжитость территории, её урбанизация, технизация, т. п. Эти факторы давно привели к исчезновению былых здешних лаек, вывели такие регионы за пределы «Севера». Не могут же эти места так называться, не имея своих *северных* собак!...

Выходит, что с «Севером» тоже нужно определяться.

Для обсуждаемой темы наиболее удобно понимание «нашего Севера» как обширной части Евразии, которая охватывает географические зоны тундры, лесотундры и тайги. Это территория, где живут и до сих пор сохраняют (хоть в малой степени) самобытность и традиционный уклад жизни тесно связанный с природой многочисленные, но малочисленные (исключение – якуты) «северные» народы. Официально их называют «малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока». Неофициально – аборигенные народы, аборигены. В Российской империи их представителей числили «инородцами». Именно эти народы являются создателями, владельцами и пользователями лаек, которых принято называть аборигенными, в отличие от заводских.

К неточному, но привычному для нас понятию аборигенности мы вскоре вернемся. Сейчас же продолжим рассуждения о географии аборигенных лаек – предмета нашего особого внимания.

Интересно, хотя и естественно, что показателем границ распространения аборигенных лаек и народов – их владельцев является северный олень (дикий и домашний), его ареал. К сожалению, со всё ускоряющимся уходом в прошлое этого нашего, почти в поэтическом понимании, Севера, ареал северных оленей, собак и людей сокращается от восстановленного к современному и, увы, к будущему.

Правду сказать, территорию нашего Севера мы обычно несправедливо ограничиваем с запада государственной границей России с Финляндией – границей политической, неприродной, временной, придуманной. Кстати, в не так уж далеком прошлом Финляндия бывала частью России. Так что в нашем случае Север должен включать ещё и всю Лапландию, с её оленями, лайками и северным народом (лопари-лапландцы-саамы). Напомним читателю, что Лапландией принято называть земли саамов в Норвегии, Швеции, Финляндии и на Кольском полуострове.

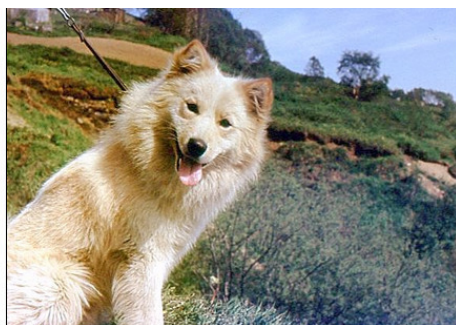
В итоге получается: НАШ СЕВЕР – ЭТО СЕВЕР ЕВРОПЫ, СИБИРЬ И ДАЛЬНИЙ ВОСТОК.

Но вернёмся к словам «аборигенный», «абориген»...

Для того чтобы наш рассказ был понятен, мы стараемся пользоваться привычной терминологией. Менять её – себе дороже. Термин «аборигенный» обладает тем преимуществом, что рождает в уме читателя нужные нам стереотипы. В то же время, он как бы устарел морально. Потому что появился в ту эпоху, когда народы делились на «цивилизованных европейцев» и всех остальных, так называемых «аборигенов». Этим термином обозначались «дикари» – некие существа, которые выше животных, но ниже «настоящих» цивилизованных людей. Не на уровне морали, но на уровне стереотипов, по крайней мере, такие представления распространены до сих пор.

Изначально считалось, что встреченные белым «первооткрывателем» дикари жили на этих землях исконно, как и окружавшие их дикие и домашние животные, в т. ч. собаки. Теперь известно, что нет «народов-дикарей». Все они (без исключения) – осколки цивилизаций, переживших свое динамическое состояние и превратившихся в сообщества людей, живущих «в равновесии» с природой.

Что же до их собак... Во-первых, они нередко являются породами вторичного «одичания», а когда-то разводились культурно. Во-вторых, «аборигены» часто приобретали собак исторически не так давно от совсем других народов, больше или меньше «цивилизованных», чем они сами; к тому же живших и в местах отличающихся природными условиями.

Ненецкая лайка Сери (Шурик) на Камчатке. Вывезен из села Ваеги, что на Чукотке. Фото Б. Широкого

Ярким примером такой породы может служить **ненецкая лайка**. Эта собака попала к ненцам только в XIX веке от саамов, к которым в свое время «перекочевала», скорее всего, от более цивилизованных скандинавов. А в 30-х годах XX столетия эта лаечка покорила вполне «аборигенных» кочевых чукчей. Формировалась же она изначально не в ненецких тундрах, а в древних тундростепях Европы – откуда и облик идентичный вымершему европейскому предку (подробнее об этом – ниже; см. также – Широкий, Широкий, 2004).

Что же, отказаться от термина «аборигенный»?

С народами, людьми проще – их в нашем случае будет корректней называть: «МАЛОЧИСЛЕННЫЕ НАРОДЫ НАШЕГО СЕВЕРА», хотя «АБОРИГЕНЫ НАШЕГО СЕВЕРА» –

тоже гордо. А вот для их собак этот красивый термин хочется оставить как основной. Несмотря на то, что в кинологических работах обычен термин «местные породы» как почти синоним «аборигенных пород». «Местные» – как будто, более точно. Но «аборигенные» – это привычно, понятно (особенно, когда речь – о лайках), подчеркивает добровольную связь аборигенов и их собак. Да и, в конце-концов, сколько слов, утративших свое первоначальное значение, мы благополучно используем, понимаем их как понимаем, без всяких «научных» уточнений. Не приходит же в голову вместо «стрелять» (изначальное значение – пускать стрелы) говорить «пулять» (было бы точнее). И когда надеваем джинсы, не думаем о городе Генуя...

Таким образом, **АБОРИГЕННЫЕ ЛАЙКИ – ЭТО СОБАКИ АБОРИГЕНОВ НАШЕГО СЕВЕРА**. Это примитивные породы собак⁵ того или иного этнического сообщества Севера Евразии, ведущего исконный образ жизни тесно связанный с природой. Справедливо в этом случае, когда кинологи обозначают породы именем того народа, кому эти лайки принадлежат, являются партнёрами по жизни и хозяйству.

А вот понятие «**МЕСТНЫЕ ЛАЙКИ**» кинологи вполне логично используют для обозначения таких примитивных пород, которые сложились при естественном смешении аборигенных лаек. Тем самым собаки утратили связь с конкретным северным народом. Ниже мы напомним, что «естественному» объединению аборигенных лаек и переводу их в категорию местных пород немало способствовали сами люди, «цивилизация» территорий северных народов и их собак. В подобных случаях кинологам не остаётся ничего другого, как именовать эти стихийно созданные новые породы наших северных собак по названию региона, территории их обитания. Например, **амурская и камчатская лайки**.

Сейчас ещё возможно как-то обсуждать наличие местной **амурской лайки**, о которой говорили и писали ещё в советское время (поговорим и мы, но в другой главе). А вот первые наши лайковеды и этнографы ещё имели возможность видеть в Приамурье её аборигенных предков – **лаек гольдов (нанайских), удэгейских...**

К сожалению любителей аборигенных лаек (и не только их) колонизация и освоение земель коренных жителей нашего Севера, в том числе и Приамурья, имели и имеют не только положительные моменты.

«Местная» собака Пальма (8 лет) со щенком. Село Найхин (окрестности с. Троицкого в бассейне Амура), 2001 г. Фото Марины Кузиной из архива авторов

⁵ Понятие «порода» часто используется лишь по отношению к собакам, признанным кинологическими организациями. К лайкам же, аборигенным и местным нередко применяются слова: «отродья», «разновидности», «типы», «породные группы», «популяции»... Мы среди тех, кто считает, что термин «порода» вполне применим к аборигенным (естественным) и местным лайкам. Не хуже они культурных собак и других аборигенных домашних животных (лошадей, оленей, коров, овец...), которых зоотехники, не оглядываясь, называют породами. Просто следует различать породы лаек древние, аборигенные, местные и культурные.

Аборигены утратили много автономии, традиций жизни, хозяйства, культуры.... А с ними ушли и уходят в небытие и лайки аборигенов – несомненный показатель здоровья того или иного народа. Нет у народа своей собаки – считай, что дела его не очень хороши! Нанайцы и удэгейцы – не исключение, а скорее, неважный пример...

Но здесь мы опять сталкиваемся ещё с одним терминологическим неудобством. Далеко не все народы (и их собаки) в Российской империи назывались так, как в наше время. Поэтому, чтобы читатель не «лазил», как мы, по словарям, приведем здесь небольшой словарь прежних, устаревших названий народов нашего Севера. Понимаем, что он далёк от полноты и совершенства. Заметный рост национального сознания этносов Севера, Сибири и Дальнего Востока в наши дни приводит к возвращению самоназваний, к редакции и уточнений этнографической терминологии, к её критике.... Дискутировать об этом интересно, но не здесь. Посему оставляем словарь в «советском» виде, не так уж далёком и всё ещё привычном. Будет в нашем разговоре о лайках и их народах сомнение в терминах в терминах, уточним необходимое.

лопари, лопь	саамы, саами, лапландцы
корелы	карелы
зыряны, зыряне	коми
вотяки	удмурты
черемисы	марийцы, мари
остяки	ханты
вогулы	манси, маньси
самоеды	ненцы
енисейские самоеды	энцы
юраки	восточные ненцы
тавгийцы	нганасаны
остяко-самоеды	селькупы
сойоты, урянхайцы	тувинцы
ламуты	эвены
тунгусы, тунгузы	эвенки, а также общее название малочисленных народов тунгусо-маньчжурской языковой группы (эвенки, эвены, нанайцы, удэгейцы, орочи, ороки, ульчи)
гольды	нанайцы
луораветланы	чукчи
камчадалы	ительмены
гиляки	нивхи

Словарик устаревших названий народов нашего Севера

Здесь также уместно остановиться на некотором известном антагонизме: «Авель – Каин», «пастух – землепашец», «ковбой – фермер», «кочевник – оседлый»...

Такой антагонизм (чаще мирный) проявляется и внутри народов – аборигенов нашего Севера. Очевидно, один язык того или иного северного народа определён общностью тер-

ритории. А традиции жизни, хозяйствования – географическим ландшафтом обитания. Возможно даже, что жители разных ландшафтов являются потомками народов антагонистических цивилизаций, кочевых и оседлых. И жизнь, общение в пределах одной территории «заставили» тех и других говорить на одном языке – стать одним народом.

Местные люди Севера, Сибири и Дальнего Востока жили и живут в пределах следующих основных макрорландшафтов: 1. Тундра и лесотундра. 2. Тайга. 3. Побережья морей и крупных рек.

Соответственны и ключевые традиции хозяйства: 1. Оленеводство и охота на пушного зверя и дичь. 2. Охотничий и лесной промысел. 3. Рыболовство, охота на морского зверя.

Для всех этих видов хозяйственной деятельности незаменимы помощники – лайки. Но несколько разные.

*Жильё стаи (упряжки) **чукотских лаек**. Пос. Лорино. 1990 г. Фото Б. Широкого*

Показателен пример чукчей – людей одного народа, но живущих в пределах разных геоландшафтов.

Береговому, «сидячему» чукче собаки крайне необходимы большей частью для того, чтобы возить рыбу, ездить на полыню за тюленем..., да и для обычной охоты. Нужны собаки соответствующие суровым условиям климата и содержанию стаей. К тому же – крепкие, очень выносливые. А передовики упряжек должны быть способными к принятию самостоятельных решений в сложнейших условиях. Таковы **чукотские лайки**.

*Верховые олени (видно сёдла) оставлены на попечение **ненецкой лайки** Чайки (чистой-белая). Верховья р. Омолон. 1969 г. (В бригаде до 10 **оленепонок** разных окрасов). Фото Л. Семёнова из архива авторов*

Тундровый кочевник – оленный чукча, когда перешёл к оленеводству крупнотабунному, предпочёл небольших подвижных собачек. Чтобы они могли управиться с большим стадом почти диких оленей, и при этом обходиться без укусов. Да были бы хорошими партнёрами на охоте – у оленевода сезон охоты круглый год. Ещё нужно скрасить кочевнику

его уединённый быт, быть нянькой его детей, объявлять появление непрошенных гостей.... Таких собачек – **ненецких лаек** – оленный чукча получил в советское предвоенное время, и полюбил.

Что же касается таёжного бродяги где-то в Сибири, на Дальнем Востоке..., то его собаки должны быть, прежде всего, охотниками. Но и верными спутниками в местах обитания опасного зверя, и тягловыми помощниками на пути в район промысла, и отзывчивыми собеседниками в лесной избушке.... В общем, им надлежит быть такими, какими были и всё ещё сохранились в этих краях **эвенкийские лайки**.

Эвенкийская лайка. Фото Вячеслава Харука из статьи Бориса Леонидовича Корнейчука в газете «Московский комсомолец», №866 от 2 марта 2011 г.

Или такими как местные **амурские лайки**, вобравшие в себя таёжных **собак орочей, нанайцев, нивхов** и др.

Таким образом, все породы аборигенных и местных лаек правильно было бы разделить на 3 группы. Получится классификация, где группа пород выделяется по признаку обитания собак и их владельцев в пределах того или иного географического ландшафта. А породы группы – по принадлежности к этническому сообществу. Но если уж не выходит привязка к конкретному народу, приходится давать породе географическое название. Как в случае с **амурскими лайками**, которых достаточно точно изобразил наш знакомый дальневосточный художник и краевед Геннадий Павлишин. А ведь отцы и деды этих охотников имели своих лаек, **нанайских, удэгейских...**

Работа Г. Павлишина из: Большая судьба малых народов..., 1982

Покажем же схему такой **КЛАССИФИКАЦИИ**
Аборигенные и местные лайки подразделяются на 3 группы пород:

1. Лайки жителей тундры и лесотундры.

Примеры пород: лапландская, ненецкая лайки

2. Лайки жителей тайги.

Примеры пород: **эвенкийская, амурская** (здесь утеряна этническая принадлежность) лайки.

3. Лайки жителей побережий морей и крупных рек.

Примеры пород: камчатская, чукотская лайки (обе породы имеют географические имена – в прошлом были корякская, ительменская, чукчанская, эскимосская, юкагирская лайки...).

Можно проще. Есть три группы аборигенных и местных пород лаек:

1. ТУНДРОВЫЕ ЛАЙКИ

2. ТАЁЖНЫЕ ЛАЙКИ

3. БЕРЕГОВЫЕ ЛАЙКИ

От схемы к более точной классификации можно перейти, когда познакомимся с конкретными породами лаек. А чтобы наши рассуждения о терминологии показались достаточно полными, поговорим ещё о «примитивности» собаки, породы, домашнего животного вообще.

В нашем случае, ПРИМИТИВНЫЙ – значит, БЛИЗКИЙ К ДИКОМУ ПРЕДКУ, и внешне, и физиологией, и органами чувств, и психикой, и поведением, и способностью приспособляться к окружающей среде.... Значит, имеет целый ряд преимуществ, которые свойственны дикому животному. Ведь специалисты утверждают – рассудочная деятельность волка совершеннее, чем домашней собаки, особенно далеко уже отстоящей от своего дикого предка. Дикий зверь более способен к самостоятельному решению задач, выдвигаемых непостоянной жизнью, часто на её пределе.

Разговор о примитивности домашних животных обещаем продолжить. И если возникнут неясности с терминами, которые обсудили, тоже разберёмся попутно. Здесь лишь заметим, что все наши северные собаки примитивны, в т. ч. заводские породы. Правда, степень их примитивности несколько разнится – это увидим ниже.

В начале этой главы сказано, что пишем о лайках. Это так, но мы стремимся уделить здесь основное внимание лайкам аборигенным и местным. Тем более что почти всё о лайках, из того, что лежит на книжных прилавках и развалах, посвящено заводским породам. А интерес к примитивным, аборигенным животным в мире заметно возрастает. Вот в Украине очень заинтересовались гуцульской лошадей, особенно немцы, поляки. Ещё в советское время Алтайский заповедник начал собирать живую коллекцию аборигенных домашних животных – помнится из газет, заповедник завозил примитивных лошадей, коров, яков и др. Жаль, не имеем информации о теперешнем состоянии этого интереснейшего дела.

О появлении нового внимания к аборигенным лайкам мы поговорим специально. Отметим лишь, что в 1999-м году основано международное Общество по сохранению примитивных аборигенных собак (Primitive and Aboriginal Dog Society – PADS). Почитайте в Интернете «Вестники PADS» – актуально, познавательно, интересно.

Выходит, нужно писать о таких собаках.

Любое исследование, в т. ч. и наше, не претендующее быть научным, требует ответа на вопрос – в каком направлении его вести. В выборе приоритетов мы исходим из следующих постулатов.

Есть крайние процессы развития животных в мире человека разумного: естественный и искусственный. Чем они отличаются? Как сочетаются? Тут каждый может сказать многое. Мы же предлагаем считать процесс ЕСТЕСТВЕННЫМ, ПРИРОДНЫМ, ЕСЛИ особь, популяция, вид, род (порода, группа пород) РАЗВИВАЮТСЯ в направлении, КУДА САМИ СТРЕМЯТСЯ. (Напомним, как у Ширинского-Шихматова ещё в 1895 году: «...северная собака,

разбившись на разновидности...» – т. е. сами «разбились» на породы). Разумеется, их развитие определяется теми условиями, в которых оно происходит. И важно, каким образом организмы и их сообщества реагируют на эти условия. То ли будет развитие, что называется, «по своей воле», то ли – «согласно произволу кого-то». В последнем случае доминирует процесс ИСКУССТВЕННЫЙ, КУЛЬТУРНЫЙ.

Нас интересуют лайки – породы собак, которые формировались при отсутствии (или минимальной) сознательной селекции. Это тот случай, когда – по большому счёту – человек выступал как косвенный помощник биологической эволюции рода волков (собак), а не направленной селекции. Лайки – это представители названного рода, которые в целом самостоятельно приспособились к тем условиям, в которых оказались. Это не «переделки» человеком дикого животного под свои потребности. Наличие около лайки человека являлось, по сути, частью тех природных условий, которые налагали отпечаток на её облик и поведение.

Естественный и искусственный процессы возникновения и развития домашнего животного мы хотим увидеть на примере наших северных собак. На примере их происхождения и изменения в стороны процветания или деградации. Надо ли делать оговорку, что обозначенные процессы никогда не существуют в чистом виде. Что их сочетание может быть очень разным. Определить значимость и соотношение естественной и искусственной составляющих развития пород лаек представляется интересным. Важно увидеть и тенденцию этого развития, что, возможно, будет способствовать восстановлению и сохранению аборигенных пород. Этого, как многим представляется, БЕЗНАДЁЖНОГО ПРЕДПРИЯТИЯ.

А кажущаяся безнадёжность и бесперспективность нашего с Вами занятия исходит ещё из того, что лайководение не может нормально развиваться в современной структуре кинологии. Лайки, аборигенные и заводские, требуют принципиально иных методов и приёмов изучения, содержания, племенной работы, использования, чем те, которые настойчиво предлагаются авторитетными международными клубами. Лайководение, хоть и является частью кинологии вообще, всё же преследует решение задач подчас противоположных тем, что ныне входят в моду. **МЫ С ВАМИ ХОТИМ НЕ УЛУЧШИТЬ, НЕ ИЗМЕНИТЬ, НЕ ПРЕОБРАЗИТЬ, А СОХРАНИТЬ, что-то, ВОЗМОЖНО, И ВЕРНУТЬ, ВОССТАНОВИТЬ.** Пока что у нас даже заводские лайки в значительной степени всё ещё сохраняют свою положительную примитивность, являются носителями многих качеств аборигенных предков. Чего уже не скажешь о культурных породах лайкоподобных собак Запада, таких как аляскинский маламут, сибирский хаски, самоед, акита-ину и все другие.

Породы домашних животных не являются чем-то константным. Они появляются, изменяются, исчезают в зависимости от востребованности и воли человека. Правда, эта воля не всегда бывает доброй, разумной. Нередко мы сожалеем об утерянных или исчезающих породах, пытаемся их восстановить, сберечь. Лайки – не исключение.

Мы хотим показать, откуда наши северные собаки, какими они были и какими стали, каким было и как менялось их сотрудничество с человеком. Насколько это возможно при минимуме информации о прошлом лаек, при недостатке данных об их состоянии на обширной территории малодоступного для кинологов Севера.

Без знания истории пород, их эволюции, тенденций пороодообразования благие усилия энтузиастов—лаечников вряд ли будут результативными даже при наличии достаточных средств.

Надеемся, что тему, объект, термины и вектор нашего интереса мы определили достаточно внятно, и читатель пойдет с нами дальше. Может быть, в конечном итоге удастся наметить и практические шаги, которые крайне необходимы для того, чтобы наши северные

собаки здравствовали. Несмотря на то, что на огромном пространстве нашего Севера сделать что-нибудь действенное в интересах лаек пока не представляется возможным.

На этом можно закончить данную главу, но, кажется, мы недостаточно чётко показали, что такое лайка, какими признаками должна обладать собака, *чтобы иметь право называться лайкой*. А это важно, потому что в последние годы лайками стали уже называть почти всё, что как-то на них похоже. Даже интернет-сленг заимствовал у нас слово «лайки» для обозначения известных манипуляций. Поэтому добавляем главу текстом Марины Кузиной, профессионального кинолога, лайковеда и охотницы с лайкой (с её любезного согласия), где чётко и научно изложены экстерьерные и другие признаки этой группы пород. Дополнить бы это ещё и поведенческими признаками наших северных собак, которыми они отличаются от остальных пород...

«Лайками принято называть примитивную аборигенную группу пород (и породных групп) собак, древнего происхождения, мало изменившихся со времени приручения и сохранивших сходство с диким предком в целом комплексе признаков.

Отличительными особенностями лаек стоит считать признаки, сближающие их с диким предком. К экстерьерным признакам стоит отнести:

1. Краниометрические признаки. Их малые различия сводятся в основном к первичным доместикационным признакам, быстро проявляющимся у псовых в неволе (Беляев). Это, в частности, укорочение черепа и в особенности щипца, уменьшение зубов, особенно плотоядных, недоразвитие слуховых пузырей.

Еще один признак, анатомически относящийся к черепным – твердость хряща, определяющий стоячее ухо. Этот признак настолько характерен для лаек, что проявляется даже у собак южных районов, у которых, согласно закону Аллена, ушная раковина обладает значительными размерами.

2. Параметры корпуса. Несмотря на то, что в зависимости от места обитания и способов использования ширина тела и формат имеют определенную вариабельность, она все же крайне слабо отклоняется от тех параметров, которые можно наблюдать у волка.

3. Признаки скелета конечностей. По наблюдениям Н. А. Смирнова в устройстве конечностей лаек больше всего бросается в глаза значительная длина средних пальцев на лапах, со сближением их коготков и сама плотность лап (Смирнов, «Стандарты лаек СССР»). Исключением в некоторой степени может служить лишь **оленегонная лайка**.

Так же в поставе лап у лаек, особенно охотничьих пород, до сих пор почти не наблюдается того искаженного постанова, что у собак заводских пород. Линия следов у них представляет почти ту же прямую, что и у волка.

4. Характер волосяного покрова. Этот признак у лаек, так же носит специфические черты дикого предка. Это как свойства самого шерстного покрова, то есть четкое разделение его на ость, покровный и пуховой волосы и типичное распределение их по телу животного, так и характерные окрасы, присущие лайкам.

Окраска шерстного покрова лаек чаще всего бывает зонарной. Преимущественно господствуют окрасы, близкие к волчьим: агути – эпистатичный по отношению к остальным и далее бурый разных оттенков, рыжий (лисий), палевый, бледно-палевый (до почти белого). Черный окрас тоже не редок.

Важной характеристикой окрасов лаек следует, по мнению Н. А. Смирнова считать черное или темное пятно на верхней стороне хвоста.

Прочие окрасы для лаек нетипичны и скорее служат признаками примеси других пород.

Биохимические показатели лаек так же могли бы представить немало признаков, говорящих об их близости к дикому предку. Однако скудость исследований, посвященных биохимии лаек не позволяет на данном этапе делать определенные выводы.

Однако лайка, хотя и примитивная собака, все же представляет собой продукт человеческой деятельности.

Формирование лайки, как примитивной собаки шло при бессознательном искусственном отборе и большом влиянии естественного. Таким образом, доместикационные изменения, произошедшие в лайке со времени ее приручения, так или иначе были направлены на выполнение ею определенных функций. Это позволяет поставить лайку между диким предком – волком и заводскими породами собак по следующим признакам:

1. Выносливость по отношению к экстремальным погодным условиям, в частности к низким температурам.
2. Невысокая плодовитость.
3. Эстральный цикл – 1 год.
4. Позднеспелость.
5. Высокая оплата корма.
6. Способность относительно легко переносить голодовки и оправляться от их последствий.

Стоит отметить тот факт, что хотя слово «лайка» изначально обозначало только охотничьих собак таежной зоны России из-за их особенности облаивать зверя, мы считаем целесообразным объединить этим термином всех собак этого типа. В этом мы согласны с М. Г. Дмитриевой-Сулимой, которая отмечала, что «определение «северная собака» не точно и не отвечает действительности: собаки этого типа встречаются даже в Африке, в Америке и всюду в Азии». Кроме того, как примитивная порода животных лайка обладает невысокой, но универсальной продуктивностью и поэтому практически невозможно провести четкое разделение между способом применения лаек (Широкий Б. И.)».

2. Доисторические лайки

*Собака вывела человека в люди.
Ученый-зоолог Модест Богданов.*

Слова этого эпитафия нередко достаиваются публикации в различных изданиях о собаках. Мы приводим их снова, но акцентируем – выражение это следует понимать буквально.

Среди нас нет очевидцев начала партнерства первобытного человека и собаки, но рассуждать можно и так.

Скорее всего, **ДИКИЙ ПРЕДОК ДОМАШНЕЙ СОБАКИ ДОБРОВОЛЬНО И ПЕРВЫМ ПОДОШЕЛ К ЧЕЛОВЕКУ**, ещё далёкому от современного.

Примитивное, в чистом виде «гастрономическое» сожительство, приносившее взаимную пользу нашим и собачьим первобытным предкам, существовало ещё тогда, когда будущий человек не был даже мало-мальски серьёзным охотником, не имел никакого орудия добычи зверя. Активное начало в этом симбиозе принадлежало диким псовым – давно сложившимся охотникам-«профессионалам». А наши предки могли довольствоваться лишь остатками мясной трапезы своих соседей. В лучшем случае можно было отвоевать часть добычи, используя своё численное превосходство. От этой самой численности стаи троглодитов могла быть одна из выгод и для древних предков собак – можно было организовать совместную охоту загонном, облавой.

О вероятности подобного сожительства пишет знаток нашей эволюции, выдающийся учёный антрополог Виктор Валерианович Бунак (1980): «Охота на крупных животных едва ли могла получить начало раньше конца среднего плейстоцена. Начальная форма охоты на крупных млекопитающих возникла, вероятнее всего, на основе симбиоза с крупными хищниками и поедания гоминидами остатков туш копытных – добычи крупных хищников».

Занятно, что есть примеры нашего теперешнего сотрудничества с хищниками и «поедания» их добычи вполне современными людьми. Вот только один из таких примеров, взятый из памяти старшего автора.

«В 1968 году партия моего тёзки, вечного начальника и друга Бориса Долматова вела геологическую съёмку (это такая работа, где нужно почти ежедневно много ходить) в горах полуострова Камчатского Мыса (понятно, что на Камчатке). Моя маршрутная группа состояла из трёх человек и ружья. Тот год был богатым на куропаток, белых и тундряных. Поэтому мы заимели неукоснительное правило – на обеденную чаёвку останавливаемся только тогда, когда попутно с работой добудем трёх куропаток (как раз в наш маршрутный котелок). И вот однажды уже прошло обеденное время, и в голове накопилась информация для записи в пикетажку, и парни ропщут, а куропаток только две. Чаевать не имеем права... Вдруг видим, как ястреб-тетеревятник бросился вниз на поднятую нами стаю куропаток и одну из них остановил когтями на зелёной тундрочке. Мы успели: бросились к хищнику, он удрал, а добычу оставил нам. На этот раз куропатки оказались вкуснее обычного. Тем более что пришлось делиться с соседней маршрутной группой Виталия Федореева – они ходили без ружья и старались „случайно встречаться“ с нами. Впрочем, мы гостям всегда были рады – рядом с ними ощущали себя более приспособленными к полевой жизни. А что же ястреб? Он далеко не улетел. У него около нас была своя выгода – мы, того

не понимая, по ходу нашего маршрута продолжали выгонять для этого охотника затаившихся куропаatok».

Но вернёмся в нашу предысторию.

В эволюции прачеловека настало время, когда он, применяя первые орудия охоты (деревянные, каменные), стал всё больше переходить на мясную пищу. А потребление мяса, говорят антропологи, одно из необходимых условий увеличения мозга эволюционирующего троплодита. И не только. Мясо – продукт охоты, позволявший осваивать первобытному мигранту новые северные земли. Зимой не проживёшь на растительной диете – в это время такой пищи практически нет. Таким образом, белковый рацион вместе с необходимостью *думать* о том, как выжить в новых условиях усиливали возможность нашего прародителя стать таким умным человеком как мы. И обеспечил реализацию такой возможности известный любитель мяса некто из древнего рода волков (собак). Именно от начала активной охоты человека (уже с примитивным оружием) ведётся наше *уже осознанное* взаимовыгодное сотрудничество, затем партнёрство и, наконец, дружба.

Легко представить ситуацию из очень отдаленного прошлого. Когда первобытным охотникам удалось ранить оленя и он стал уходить, не оставляя людям надежды. Зато стая быстроногих ловцов из рода волков, рыскавшая поблизости, без особых усилий остановила подранка. Охотники, конечно, их отогнали и принялись пировать. На пирах же остаются вкусные отходы... Получилось вполне взаимноинтересно – достойно повторения, многократного, вплоть до наших дней.

А вот несколько обратный случай. Дикие предки наших собак загнали горного барана на отстой (недоступную для них скалу). Имея уже опыт полезного общения с человеком, они стараются известить проходящего мимо них охотника о возможной лёгкой добыче. Но как? ...Голосом, звуками. Примерно так мог появиться дистанционный, голосовой способ общения собаки к человеку, который мы называем лаем. Не правда ли – это очень напоминает современную, но возникшую в глубине тысячелетий, охоту с лайкой. Задача собаки – найти, преследовать, остановить и облаять недоступного ей зверя или птицу, т.е. подзвать напарника – охотника. А он, вооружённый (камнем – копьем – луком – ружьём), глядишь, поделится добычей.

Нечто подобное опять же вспомнил старший автор этой публикации.

«Ещё студентом, в 1962 году мне повезло работать в Мульмугинской геолого-съёмочной партии опытного начальника Подоплелова. Работы велись в предгорьях Станового хребта, к северу от эвенкийского посёлка Бомнак, что на р. Зее (тогда там ещё здравствовал Улукиткан – знаменитый проводник геодезиста и известного писателя Григория Анисимовича Федосеева). «Настоящая» тайга – лоси, изюбри, глухари, рябчики..., в речках – таймени, ленки, хариусы.... Наш любимый начальник поэтизировал тайгу, величал район наших работ: «Страна Бомназия!». Мы работали с лошадьми, общались с эвенками, которые кочевали с выючными и ездовыми оленями. В многодневных маршрутах нас с рабочим-школьником Геней не раз сопровождал немолодой каюр – эвенк Владимир. Он по-отечески ухаживал за нами, снисходительно учил жить в тайге, в общем, принципиально не уступал своему старшему земляку Улукиткану, которого увековечил Г. А. Федосеев (1956, 1958, 1972).

Но мы слишком отвлеклись для представления той почти первобытной ситуации.... На базе партии было порядка десяти собак – конечно же, лаек (может, не все они были породными). Жизнь этой стаи была вольной, со своими интересами, «разборками», в которые люди особенно не вникали.

К наружному обеденному столу собаки близко не подходили. При нечаянной попытке слишком приблизиться, в одну из них полетело всё, что попало под руки. Но в маршруты большинство из нас и собак любили ходить вместе. Причём, в одних случаях спутника выбирали мы, в других, и нередко, – собака. Нашу с Геной юную маршрутную группу выбрал матёрый кобель Бельчик. Сейчас, задним числом, понимаю почему... Дорвавшись до тайги, я не расставался со своей одностволкой, а эвенк Владимир, когда бывал с нами, имел карабин. Ясно, что мы старались скрасить свои чаёвки и ужины, по меньшей мере, рябчиками (почти гарантированное подспорье таёжника). Бельчик же был опытейшим охотником. Его поиск был очень широким, даже дальним, не всегда мы были уверены, что он с нами. Подозреваю, что иногда у Бельчика была своя добыча, которой он не собирался делиться, употреблял молча, в сторонке. Но очень энергично облаивал недоступное, например глухаря на лиственнице – звал на помощь. И доставалась сбита выстрелом птица тому, кто первый её схватит.

Конечно, этот великолепный охотник-эгоист мог по-другому вести себя с хозяином-промысловиком. Здесь же, налицо было явное использование меня с ружьём в своих собачьих интересах».

Вышесказанное почти точь-в-точь перекликается с мыслями известного исследователя Севера В. И. Иохельсона (1898), изложенными более столетия назад после экспедиции в Колымском округе: «Впрочем, о собаке, следующей за человеком под все широты, необходимо прибавить, что у каждой из народностей округа ОНА ЯВЛЯЕТСЯ САМЫМ НАДЁЖНЫМ ТОВАРИЩЕМ во время промысла зверей. В то время, как лошадь и олень – пассивные, несознательные и невольные помощники, СОБАКА, КАК УМНЫЙ ХИЩНИК, ЯВЛЯЕТСЯ АКТИВНЫМ И СОЗНАТЕЛЬНЫМ ПРОМЫШЛЕННИКОМ, РУКОВОДЯЩИМ НЕРЕДКО ДРУГИМ ХИЩНИКОМ – ЧЕЛОВЕКОМ».

Но не только на охоте... Со временем предки нынешних собак сочли полезным посещение жилищ, стоянок человека, где тоже можно было пожить, особенно ослабленным и постаревшим особям. Люди, в свою очередь, видели здесь свою корысть, привлекали их. Ведь чувствовали себя более защищёнными – эти приживалы раньше хозяев чуяли непрошенных гостей, предупреждали... Говоря как бы учёным языком – вокруг людей создавался некий ореол безопасности, спокойствия, который позволял им не только выживать, но и совершенствоваться интеллектуально.

Объективное обоснование процесса взаимовыгодного сближения человека и предка собаки мы прочитали также у П. В. Пучкова (1993), нашего знакомого киевлянина из Института зоологии НАН Украины. Павел Васильевич известен своей интересной гипотезой исчезновения мамонтов, ситуацию того времени знает хорошо. Так что верить ему можно.

Наверное, так и другим подобным образом, интересное для обеих сторон сожительство делало из троглодита человека современного, а наиболее контактных представителей древнего рода волков превращало в домашних собак, *лайкоподобных* промежуточных предков любой из нынешних пород.

Как не показать здесь доисторический сюжет художника, который иллюстрировал известный детям и взрослым бестселлер – серию фантастических романов «Дети Земли» американки Джин Мария Ауэл. Тем более что Джин близка к археологам, посещала раскопки в ряде стран европейской части нашего континента, в том числе и в Украине...

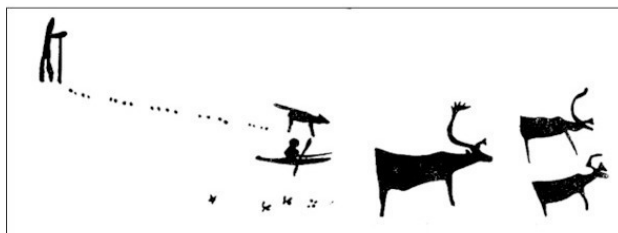
Работа Джеффа Тейлора – иллюстратора бестселлера Джин М. Ауэл «Дети Земли»

ОДОМАШНИВАЯСЬ ПО СВОЕЙ ВОЛЕ, СОБАКА ВЫВЕЛА ЧЕЛОВЕКА В ЛЮДИ. Может быть, в жёсткой борьбе за право жить в наше время человек разумный победил своих конкурентов – другие виды людей (ископаемые) именно благодаря собаке. Он вовремя понял, оценил и приблизил её. И вместе с собакой научился жить даже в таких местах, где одному не выжить, например, в Заполярье. А какому-то неандертальцу для этого, видно, не хватило ума. Во всяком случае, нам известны находки останков домашних собак только в раскопках стоянок человека нашего вида.

Одно из интересных нам ритуальных погребений *лайковидной* домашней собаки обнаружено археологом Н. Н. Диковым (1977) на Камчатке при раскопках позднепалеолитического жилища рыболовов и охотников на бизонов ушковской культуры. Это около 15-ти тысяч лет назад! Похоже, что человек каменного века мог относиться к собаке совсем неплохо. Наверное, вместе они шли в наше время более уверенно, углубляя при этом взаимную духовную связь.

Эта находка у Н. Н. Дикова не единственная. В 1958 году при раскопках Усть-Бельского могильника (на Чукотке, при впадении р. Белой в р. Анадырь) он выявил захоронение собаки (естественно, *лайковидной*) над кострищем в верхней части кургана. Этот памятник «помоложе» ушковского – неолитический, II – I тысячелетие до н. э. (Диков, 1958).

О древнем сотрудничестве человека и УЖЕ ЕГО СОБАКИ в период перехода от камня к раннему металлу в Заполярной Чукотке свидетельствуют и наскальные изображения Пегтымеля. Впервые обнаружил некоторые из этих петроглифов, проходя здесь нелёгким маршрутом, геолог И. М. Саморуков (что приятно старшему автору данной работы, тоже геологу). А детально изучил находку известный археолог и популяризатор своей профессии Николай Николаевич Диков. Часть пегтымельских изображений сохранили нам вполне реалистичные сцены охот с *древними лайками*. Так на камне IV видна охота с рогатиной на медведя, которого атакуют сзади три собаки. А один из петроглифов отображает весеннюю охоту на оленей по насту с собакой.

Петроглифы, обнаруженные в 1986 году: охота на оленей. Из: Диков, 1969

Такие промыслы, взаимовыгодные для охотников Чукотки (человека и лайки) существовали, по крайней мере, за тысячу лет до р. х. (Диков, 1969).

Желающих увидеть все остальные наскальные композиции Пегтымеля мы отсылаем к ещё одной книге Николая Николаевича (Диков, 1971), посвящённой именно этим петроглифам. Есть там и охота на медведя с древними **чукотскими лайками**.

Ещё ближе к нашему времени морские зверобой восточных и юго-восточных побережий Чукотки стали использовать своих лаек для езды. Здесь слои пунукской культуры (VIII – XIV вв.) среди разнообразного костяного инвентаря обнаруживают тяговые блоки собачьей упряжки (История Чукотки..., 1989).

Мы привели несколько фактов сожительства и сотрудничества доисторических людей с *древними лайками* на Северо-Востоке. На отрезке времени 15 тыс. лет до р. х – XIV век. Похожие экскурсии с археологами и палеозоологами можно провести во многих регионах нашего континента. И, конечно же, во всём мире. Но мы ограничены рамками нашего Севера...

Как-то незаметно стали мы называть *лайками* древних собак нашего Севера. Оправдано ли это...?

Заметим, что первые домашние собаки уже несколько отличались от диких предков, были сходны с современными аборигенными лайками. Исследователям говорят об этом их ископаемые остатки, прежде всего, черепа. Собственно, вопрос о происхождении и одомашнивании собаки – это и есть вопрос появления у человека лайки. «Домашняя собака, во всём сложном комплексе её пород, в пути своего развития, несомненно, прошла стадию примитивного животного – лайки», – пишет Н. А. Смирнов (1936).

Так что будет вполне резонно именовать ископаемых (доисторических) домашних собак Севера Евразии *древними лайками*. Или, хотя бы, *лайковидными*. Но наиболее точное им название, как нам представляется, – *пралайки*.

Познакомиться с пралайками можно в книгах о собаках общего характера. Как и многие современные породы, в том числе из группы лаек, древние собаки имеют неодинаковые названия у разных авторов. Что не очень мешает извлечь из легкодоступной литературы их описания. При этом надо понимать, что «наш Север» в отдалённые доисторические времена был значительно обширнее. Потому что были другие климатические условия, иные ландшафты и несравненный уровень обжитости этих пространств.

Canis familiaris palustris

Собака свайных построек, торфяная собака, торфяной, торфяниковый или болотный шпиц. Первая находка останков этой ископаемой собаки в 1862 году в свайных постройках поселения каменного века на озёрах Швейцарии принадлежит учёному Рутимейеру. Он же и дал название этой породе. Последующие находки **торфяной собаки** известны в различных местах Европы, в отложениях, которые достигают возраста 10 —15 тысяч лет. Ряд авторов признаёт эту собаку вообще первым домашним животным доисторического человека. А сохранившиеся кости дают исследователям достаточные основания для того, чтобы представить её облик.

Череп небольшой – основная длина не превосходит 140 мм. При этом длина мозговой его части больше лицевой. Профиль черепа вогнутый из-за выпуклости мозговой коробки. Протуберанцы (мускульные прикрепления) и затылочный бугор выражены слабо. Так что голова собачки имела заметный переход от лобной части к короткой и заострённой морде и не была заметно скуластой. Практически все кинологи сходятся на том, что из современных пород собак наиболее близки к **торфяному шпицу** европейские шпицы (немецкие, скандинавские и другие). О заметном подобии черепов **торфяного** и европейского шпица

старого типа видно уже у А. А. Браунера (1928). Кто же знает **ненецких лаек**, считает именно их очень похожими прямыми потомками этих пралаек. «Череп этих пород собак (**ненецкой лайки** и **шпица**) и **торфяной** имеют много общего между собой и характерны небольшим размером (140 мм), крутой линией перехода мозговой части черепа в короткую и острую лицевую», – пишет А. П. Мазовер (1994). **Торфяную собаку** у кинологов принято считать прародительницей и других европейских лаек: **лапландской**, **финской** и др.

В провинции Бохуслен, что на западе Швеции, из эпохи поздней бронзы до нас дошло изображение, как нам представляется, именно этой небольшой пралайки. Причём, очень точное как для того времени – приблизительно VI—VII вв. до р. х.

Художник из далёкого прошлого, применивший практически вечную технику изобразительного искусства, показал в наскальной композиции основные черты экстерьера собачек, их однотипность.... А также контактность и дружелюбность (хвосты загнуты, а не опущены). Ну, впрямь как сейчас у тундровиков – у каждого по своей собаке: ЧЕЛОВЕК И СОБАКА, ЧЕЛОВЕК И СОБАКА.

Мужчины с собаками. ...Наиболее древние в Скандинавии останки домашней собаки (шпица) были найдены в Западной Швеции. Еще от раннего каменного века до нас дошли могилы собак, тела которых осыпаны священным красным порошком охры. Из веб-сайта bellabs.ru – он разрешает использование материалов

Недалеко от галереи петроглифов Богуслена живёт Катарина Ellerström. На фото её сына Конрада, которое любезно подарила Катарина – момент общения с предками их шведского лапхунда Акода.

География петроглифа уверяет нас в том, что это общие прародители аборигенной **ненецкой лайки** и близких её культурных родственников лапхундов Скандинавии: шведского и финского. Ведь оба они – продукт селекции бывлой **лапландской лайки**.

Шведский лапхунд Акода разговаривает с предками. Фото Конрада Ellerström

Varanger-hund

От этой собачки ведёт родословную лаппхунда Ганс Сваровски в своём энциклопедическом словаре пород собак (Swarovsky, 1987). Её костные остатки возрастом свыше 7 тысяч лет нашли в Северной Норвегии, в районе *Варангер*-фьорда. Очевидно, это был *один из предков* вышеупомянутой **торфяной собаки** – общего предка небольших лаек Европы.

Canis familiaris inostranzewi

По-русски – **собака Иностранцева**. Останки собаки этой ископаемой *породы* лаек впервые обнаружил на стоянке первобытного человека возле Ладожского озера *геолог* А. А. Иностранцев. В честь этого учёного собаку каменного века назвал описавший её академик Д. Н. Анучин. Черепа подобных собак известны также из раскопок в Московской и Смоленской областях, в Крыму, в Западном Казахстане, в Хакасии, возле Красноярска, на Амуре.

Собака Иностранцева заметно отличалась от **торфяной**. Она была волкообразной, крупной (длина черепа – 177 мм). Имела более плоский лоб, менее выраженный переход от лобной части головы к относительно короткой морде (короче – волчьей), хорошо развитые скулы и затылочный гребень, сильные челюсти и почти волчьи зубы.

Более крупных и крепких лаек береговых жителей и таёжников большинство кинологов «производит» от этой ископаемой собаки. Лайковед Ю. А. Ливеровский (1936) полагал, что она является промежуточным звеном между волком и собакой.

Canis familiaris putijatini

Череп пралайки близкой к предыдущей, но претендующей на звание отдельной *породы* был найден на стоянке людей неолита у озера Бологое в Новгородской губернии.

Её называли **собакой Путятин**, по имени удачливого исследователя, к тому же князя. Пишут, что она была не такой мощной и сильной как **собака Иностранцева**. Череп поменьше (169 мм). Собака имела более узкую черепную коробку и более длинную морду.

Похоже на то, что **собака Путятин** могла быть в числе прародителей относительно небольших таёжных лаек, которые имеют сравнительно сухое сложение.

Собака Невельского

Адмирал Геннадий Иванович Невельской – знаменитый исследователь Дальнего Востока. Его имя приобрели залив, пролив, самая высокая гора и город на Сахалине. А также... пралайка из каменного века, которую описал А. Браунер и назвал в честь учёного-мореплавателя. Эту доисторическую *породу* северных собак считают предком дальневосточных лаек (Браунер, 1928; Ливеровский, 1936). Не исключено, правда, что это разновидность **собаки Иностранцева**. О пегтымельских наскальных изображениях таких праалаек упомянуто выше.

Мы привели наиболее известные примеры лаек человека каменного века, жившего в пределах обсуждаемой здесь территории. Эти пралайки вполне могут рассматриваться как одни из родоначальников пород наших аборигенных, коренных лаек (что не исключает участия в их пороодообразовании пришлых собак древности). При этом представляется логичным, что таёжные аборигенные лайки появились исторически *позднее* лаек жителей тундры и побережий. Они же (таёжные собаки) и в большей степени изменены в сравнении с диким предком. Но почему?

Дело в том, что тайга как отдельный ландшафт (разделивший собой плейстоценовую тундростепь на южную степь и полярную тундру) возник лишь в голоцене (менее 10 тыс. лет назад) в связи с общим потеплением климата (см. Гумилев, 1993 и др.). К этому периоду **торфяной шпиц** Европы и крупные пралайки Евразии типа **собак Иностранцева** (возможные

предки собак побережий) прожили в обществе первобытного человека не одно тысячелетие, почти не изменившись внешне.

Получается, что в большем отличии таежных собак от диких предков виновата не столько селекция, сколько изменение среды, ландшафта. Здесь человек лишь в какой-то мере ускорил реализацию «замысла» природы.

Читатель, которому интересны пралайки, подскажет нам, что ещё описаны домашние собаки бронзового века, такие как «бронзовая», «зольная» или «пепельная» и др. Но мы неспроста ограничились примерами из каменного века.

Известно, что многие из современных народов-аборигенов нашего Севера вошли в наше время непосредственно из времени камня и кости. Поэтому с большой вероятностью можно предположить, что и их собаки – прямые потомки наиболее примитивных лаек, собак каменного века. Тем более, что собаки эпохи бронзы в более цивилизованных местах мира уже получали специализацию, нарочито видоизменялись человеком – там начиналось культурное собаководство. Следовательно, далеко не все ископаемые собаки бронзового века могли быть лайками. Чего не скажешь о «бронзовых» сибиряках. Они продолжали живописать таких же собак, что и предки каменного века: лаек и только лаек (пралаек). Других собак они просто не знали.

Наскальное изображение охоты с собаками (Саянский каньон, устье р. Чинге), бронзовый век. Из: Власов и др., 1990

Ознакомившись с некоторыми из доисторических лаек, мы невольно задаёмся вопросом об их диких предках. Что равнозначно вопросу о происхождении домашней собаки вообще.

Если не рассматривать откровенно устаревшие представления, то всё упирается в две крайние гипотезы, каждая из которых, обогнав «соперника» на определённом участке научной эстафеты заявляет об однозначности своих доказательств. Однако тезисы пресловутых моно- ди- и полифилетической гипотез происхождения домашней собаки страдают некоторой небрежностью толкований собственных аксиом.

Сначала торжествующе объявили в трёхтомном научном издании (Гептнер и др., 1967): «Ещё недавно широко распространённое мнение о дифилетическом происхождении домашней собаки – от волка и шакала – ныне оставлено всеми. Как и у остальных домашних животных, у собаки один исходный вид („предок“). Возможность дифилетического происхождения собаки исключается, в частности, различным диплоидным числом хромосом – 78 у волка и собаки и 74 у шакала». Попутно заметим ради справедливости, что издание содержит много интересного фактического материала о диких псовых (и не только).

Потом «вдруг» выяснилось из очень обстоятельной монографии «Волк» (1985), что «кариотипы волка, койота, шакала и собаки идентичны. Данные по гибридизации собаки с волком, шакалом и койотом – её потенциальными предками – свидетельствуют о свободном скрещивании этих форм, жизнеспособности и плодовитости их потомков. Далее, при

серологическом анализе, обнаружили, что собака ближе к койоту, чем к волку. Наконец, плейстоценовые находки представителей группы койотов в Палеарктике также делают допустимыми родственные связи собаки и койотов (в широком смысле). Таким образом, судя по всему, участие шакала и койота на начальном этапе формирования собаки полностью исключать нет оснований». И тут же состоялся ренессанс «полифилии».

Когда же появился модный анализ митохондриальной ДНК, снова прозвучало однозначное: «Волк и только волк».

Ну что тут скажешь...? Если говорить конкретно о наших северных собаках – лайках, то ясно следующее. Предком (или предками) доисторических лаек был (были) некто (некоторые) из *ископаемых* рода *Canis*. Строгий «Каталог млекопитающих СССР» (1981) называет шесть вымерших видов этого рода: *Canis petenyi* (поздний плиоцен Центральной Европы и юга Украины), *C. arnensis* (древний плейстоцен, Западная Европа, Таджикистан, Забайкалье и Монголия, близок к плейстоценовым американским койотам), *C. variabilis* (ранний-средний плейстоцен Северного Китая; остатки подобной формы обнаружены на Алдане в южной Якутии), *C. tamanensis* (ранний плейстоцен западного Предкавказья), *C. tengisii* (ранний плейстоцен Закавказья), *C. volgensis* (поздний плейстоцен – голоцен, Среднее Поволжье; вероятный предок домашней собаки; близок к виду *C. lupus*). Добавим, что остатки последнего, некрупного волжского волка найдены также на Днепре, в Западном Закавказье, в Якутии, в северном Китае. «Именно эта волкообразная собака, по мнению Н. К. Верещагина, вероятно, и была общим предком первобытных пород домашних собак. Позднейшая гибридизация одомашненных волжских волков с серым волком была вполне вероятна уже на ранних стадиях, т. е. в эпоху неолита и бронзы» («Волк», 1985).

Само собой, наряду с указанными видами, на общей с ними территории известны костные остатки собственно волков и шакалов. Например, Н. К. Верещагин в своей главе из цитированной выше монографии «Волк» упоминает некрупного плейстоценового апшеронского волка *Canis lupus apscheronikus* (т. е. подвид волка), хорошая серия черепов которого обнаружена на Апшеронском полуострове. Этот и подобные примеры свидетельствуют о реальности палеогеографической изменчивости древних волчьих популяции. И не исключено, что часть из упомянутых выше ископаемых видов является результатом морфометрических упражнений палеозоологов на плохо сохранившихся костных остатках (открыть новый вид престижнее, чем описать подвид). Тем более что даже индивидуальная внутрипопуляционная изменчивость современного волка очень значительна. В пределах его ареала длина взрослых особей – от 82 до 160 см, а вес от 19 до 80 кг (то же издание «Волк»). Выходит, что есть основания «производить» от волка даже небольшого торфяного шпица.

Интересные факты приводит Н. К. Верещагин в названной монографии. Правда, они – за пределами нашей географии.

Речь идёт о хорошо изученном ископаемом гигантском «ужасном» волке Америки – *Canis dirus*. Он «процветал» 25 – 15 тыс. лет назад и вымер вслед за крупными травоядными – они были его основной пищей. Похоже, что «ужасный» волк был увеличенной копией обыкновенного волка (который – *C. lupus*): «По общим пропорциям его череп поразительно напоминает таковой гигантского экземпляра серого волка». И вот этот обычный «серый волчишко», обитавший рядом с «ужасным волчищем» сумел победить в соревновании за право жить в наши дни. Выжил, а кто захотел – пришёл к дикарю, вывел его в люди, помог освоить огромные пространства. Теперь здравствует. И на воле, и в качестве нашего товарища. Большой и очень сильный – не всегда лучший. Знаем это и по лайкам. Видно, дело не только в пищевой специализации... Чтобы приспособиться к смене условий, нужно обладать ещё чем-то, в т. ч. и здравым рассудком.

Вспомним кстати, что и у нас, в Евразии в то же далёкое время послеледниковья были интересные истории очень напоминающие эту американскую. Бурый медведь «обошёл»

огромного пещерного, обыкновенный олень – большерогого гиганта, а человек *разумный* – примитивного силача неандертальца...

Возвращаемся к волку – несомненному предку собаки. Добавим ещё.

Известны многие примеры превращения волчонка в практически домашнюю собаку. Где-то у нас затерялась заметка с фотографией небольшой упряжки, которая состояла из волков – на них развозили в городе разные товары. А в Аянке – самом северном селе Корякии до сих пор используют волков для улучшения своих собак. Мы в это поверили, когда в 1991 году описывали там **камчатских (корякских) лаек** из упряжек – бросилось в глаза резкое преобладание сплошных волчьих окрасов (совсем без пежин).

Так что по поводу волка мы не сомневаемся. А как же шакал, ископаемые койотообразные и другие из рода *Canis*? Вот нам интуитивно импонирует точка зрения ученого-кинолога А. Д. Пояркова (1991), который вслед за К. Т. Сулимовым считает одним из предков домашней собаки вымерший вид, похожий на койота. К такому койотообразному виду Евразии, скорее всего, возводится генеалогия одной из древнейших собак – ***Canis familiaris palustris* (собака свайных построек)**. Не исключает койота нашего материка среди возможных предков собаки и П. В. Пучков (1993), которого мы уже цитировали выше: «Волку (и, возможно, вымершему койоту Евразии – *Canis cf. latrans*) был выгоден „союз“ именно с человеком, с которым у волков тогда не было вражды».

Возможны ли анализы генного уровня на остатках ископаемых псовых, которые нужны для того, чтобы исключить их из числа предков собаки? Нет ли другого пути для ответа на наш вопрос?

Знаем, что мнения систематиков о волчьем роде очень разнообразные. От крайней позиции сторонников выделения в составе рода максимального количества видов до противоположных «объединительных» стремлений. Вплоть до постепенного вызревания у некоторых «нестандартных» зоологов убеждения в том, что волк, шакал и койот (и ещё кто-то из вымерших) являются подвидами или даже вариантами одного вида – политипического и симпатрического (когда ареалы перекрываются). По их мнению, доказанные факты эффективного скрещивания этих форм хотя бы при определённых условиях – главный, определяющий фактор обозначения вида.

Кажется, логика здесь есть. Живут же на Северо-Востоке, на одной территории разные бурые медведи: обычный и редкий легендарный большой медведь «иркуйем». Охотники и особенно непрофессиональные «медведеведы», такие как наш знакомец Родион Сиволобов из корякского посёлка Тиличики (дома у него – интересная коллекция зверей и птиц), убеждены, что «иркуйем» – неизученный вид. Но учёные зоологи не дают ему статуса выше варианта. Мы видели эти огромные шкуры и черепа, но больше согласны с зоологами (при большом уважении к Родиону Сиволобову – он ещё и заядлый лаечник, успешно охотился в тундрах Корякии с **карело-финской лайкой**).

Систематики – люди консервативные, генетики – их противоположность. Вот когда они разберутся и договорятся, вопрос кинологов о диких предках снимется сам по себе. Подождём. Какие наши годы!

* * *

Для тех, кто не читает всё подряд, здесь и после остальных глав предлагаем краткие выводы.

1. Дикий предок (предки) собаки стал первым домашним животным по своей воле, понимая в этом свою выгоду.

2. Взаимоинтересно сотрудничество человека разумного и предка (предков) домашней собаки берёт начало в то время, когда наш предок стал охотником, по-видимому, уже в позднем палеолите.

3. Добровольно одомашниваясь, собака помогла первобытному человеку прийти в наше время, дала возможность освоить северные земли.

4. Естественно, что первые домашние собаки были звероподобными, лайковидными, очень похожими на аборигенных лаек. Ископаемых собак нашего Севера вполне логично называть доисторическими лайками.

5. Доисторические лайки отличались от диких предков рядом признаков и уже заметно разнились между собой – заслуживают статуса древних пород лаек.

6. Родоначальниками первобытных лаек, конечно же, были ископаемые волки. Но только ли представители центрального, наиболее прогрессивного вида из рода волков? Может быть, истина сокрыта несовершенством таксономии очень близких видов и подвидов рода, прежде всего, вымерших.

3. Исторические лайки

*Времена не выбирают —
В них живут и умирают.
Из песни.*

И породы собак тоже. Хотят того собаки или нет, но, с тех пор, как они пришли к человеку, развитие их пород, благоденствие или деградация, появление и исчезновение становились всё более зависимыми от востребованности конкретными людьми, народами, властями определённого исторического времени.

Эта глава – о лайках, которые увековечены литературными источниками, которых видели, изучали, описывали исследователи из нашей цивилизации. Конечно же, не все аборигенные породы дождались такого внимания – оно возникло лишь где-то в XVIII веке, когда эти исследователи стали проникать всё дальше на север и восток нашего континента.

Можно выделить три периода нашей истории, которые были относительно «ровными» для судеб людей и, следовательно, наших северных собак. Периоды эти всем нам известны и позволяют разделить исторических лаек следующим образом (в значительной мере условно, для удобства изложения).

3.1. Досоветские лайки

3.2. Советские довоенные лайки

3.3. Советские послевоенные лайки

О военном времени вспомним особо.

Заранее скажем, что была некоторая разница у лаек этой, на первый взгляд, странной градации. И в облике, и в занятости, и в отношении к ним людей, государства...

Меняются лайки и ныне. Современные лайки всё более отличаются от исторических. И способствовала этому очередная революция где-то на меже 80-х и 90-х годов. Поэтому то современными будем считать наших северных собак 90-х лет и тех, кто моложе. Им – отдельная глава.

3.1. Досоветские лайки

*А скота никакова у них нет, одне собаки,
величиною против здешних, только
мохнаты гораздо, шерсть на них длиною
в четверть аршина.*

В. Атласов. «Скаска о походе на Камчатку в 1679 г.».

В эпитафье приведено, пожалуй, первое «кинологическое» описание одной из пород наших северных собак, а именно **камчадальской лайки**. И оставил его нам не кинолог и не учёный, а казачий пятидесятник Владимир Атласов (см. Оглоблин, 1891). Понятно, что он – «Камчатский Ермак» (по Пушкину) – и такие же удалые первопроходцы нашего Севера обратили своё внимание на собак, от которых зависело само существование народов обширных суровых земель. А также успех этих первооткрывателей (чаще – завоевателей).

Так, в 1499 году экспедицию в Югорскую страну русского войска, расширявшего новгородские владения, сопровождали, по словам Лерберга (1816; Ливеровский, 1936), *сотни* собачьих упряжек. Напомним читателю: Югорская земля, где обитал кочевой народ югра, существовала в XI – XV веках по обеим сторонам Северного Урала.

А вот пример Первой Камчатской экспедиции Витуса Беринга (1725—1729 гг.). Согласно академику Л. С. Бергу (1946), знаменитый командор использовал **камчадальских собак** для перевозки грузов на расстояние в 900 км. Экспедиция Беринга стала для камчадалов большим бедствием. Собаки были собраны со всех поселений, большинство из них погибло. Население надолго осталось без единственного в то время домашнего животного, разорилось. Люди, занятые перевозкой грузов, упустили зимнее время звериного промысла. Ясак же сборщики требовали, невзирая ни на что. Непомерное бремя, возложенное Берингом на камчадалов и их собак, стало одной из причин (может, главной) восстания 1731 года.

Похожих знакомств белых первопроходцев с собаками «инородцев» множество. Начиная с XVII века, с периода присоединения к Московии новых земель, и заканчивая известной эпохой колонизации и освоения Севера в советское время.

Больше всех доставалось береговым лайкам – верным сподвижникам исследователей и колонистов северных земель. Количество собак, которые участвовали в экспедициях различного рода, огромно и вряд ли возможно его исчисление. Каждому из таких бессчётных предприятий собаки требовались сотнями. Работа им предлагалась невероятно тяжёлая и опасная. Впрочем, и людям бывало не легче.

Много лаек требовала северная почта. Об этом красноречиво свидетельствует художник из Волынской губернии Леопольд Немировский, дважды сосланный властями в Сибирь за участие в освободительных «преступлениях». В 1844 г. он был прикомандирован к петербургской «Сенаторской ревизии», которая исследовала Восточную Сибирь и Камчатку.

Поезд на собаках в северной части Камчатки. Рисунок Леопольда Немировского. 1844—1845 гг.

Эту и другие работы купил путешественник и предприниматель Иван Дмитриевич Булычов. 65 хромо- и тоновых литографий по рисункам Леопольда Немировского были изданы без указания имени художника (Булычов, 1856). Одна из них рассказывает об отдыхе лаек (не сосчитать) и людей во время дальней дороги в долине реки Тауя (современное название – Тауй; впадает в Охотское море южнее Магадана).

Ресурсы береговых лаек были очень значительны. И собачий транспорт являлся одним из основных при освоении нашего Севера вплоть до конца 50-х годов XX века.

Лаяк береговых жителей всего Заполярья и Дальнего Востока собирали, свозили, перемещали на большие расстояния. После завершения разного рода предприятий далеко не все собаки возвращались домой. *Породы береговых лаек перемешивались, сливались, теряли этническую привязку и соответствующие названия. Аборигенные породы становились местными, региональными.* Но общих лаечьих признаков при этом собаки не теряли – плохих собак для таких работ старались не брать.

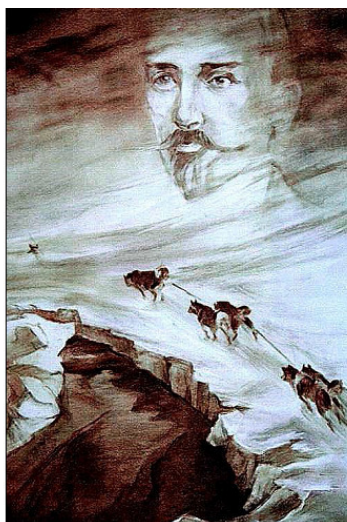
Отдых на реке Тауе = Halte de jour sur le fleuve Taou. – Санкт-Петербург: Lith. de Draeger & Co. (Москва): 1856. – 42 x 56; 21,5 x 33 см: Литография

Упомянем об использовании собачьих упряжек в одном из районов Арктики.

Первая в XIX веке экспедиция на «матерую землю» под начальством М. М. Геденштрома в 1809 году при активной помощи жителей Усть-Янска собрала для своей работы 120 упряжек (Мостахов, 1966). Это более 1200 собак!

Там же, в низовье р. Яны, но спустя столетие, в 1903 году помощники исследователя сибирской Арктики лейтенанта российского флота Александра Васильевича Колчака с трудом раздобыли 161 лайку. Они понадобились для отчаянного предприятия по спасению экспедиции остзейского барона, геолога Эдуарда Васильевича Толля, зимовавшего на острове Беннетта.

Ранее гидрограф лейтенант Колчак был очень строг с собаками, как со своими матросами. Но, к его чести, ещё в предыдущей поездке на Таймыр с бароном Толлем он полюбил «лающую и скулящую братию», уговаривал барона не убивать собак, заболевших в тяжёлом пути, а везти их на нарте – вдруг отлежатся.

Колчак-Полярный. Рисунок от Виктора Зорина из: belrussia.ru

Представить невозможно, как люди и собаки той спасательной экспедиции несколько месяцев, через шесть необитаемых островов, через тысячемильную тундру и ледяную кашу тащили на себе тяжелейший восьмиметровый вельбот, с грузом и полозьями из брёвен достигавший 75 пудов! Больше и подробнее читатель узнает из интересной журнальной статьи Ю. Чайковского (1991). А с любезного разрешения администрации интернет-сайта «Белая Россия» помещаем здесь художественный героический сюжет: полярник Колчак и его сподвижники – лайки.

Да, это тот самый Колчак, который всем нам более известен как крупнейший контр-революционер времён Гражданской войны, «Верховный правитель Российского государства». От одного лишь слуха «Колчак идёт!» люди бросали насиженные места и уходили в леса – так был он жесток... Адмирал Колчак, один из образованнейших людей своего времени, бывший исследователь Арктики без суда и следствия, по личному распоряжению Ленина был расстрелян в 1920 году у проруби на реке Ангара. Судьба: Колчак начал карьеру во льдах. И закончил жизнь подо льдом...

Такое небольшое отступление о переплетающихся судьбах полярников и наших северных собак... В поисках информации о прошлом лаек невольно узнаёшь и нечто новое, интересное о тех, кто жил среди них, общался с ними, знал их, ценил и любил.

А вот внимание кинологов лайки привлекли лишь в последние десятилетия XIX века. Причём заинтересовали их, прежде всего, таёжные лайки, те, с которыми удачливо промышляли лесные бродяги. Ранее «интеллигентные» охотники считали их дворняжками, мужицкими собаками не стоящими внимания.

Удачливый геолог, точнее – горный инженер, больше известный читателям как натуралист, охотовед и писатель А. А. Черкасов одним из первых хвалил лаек в «Записках охотника Восточной Сибири» (1867, 1990) за их охотничьи и другие деловые качества. Отметил Александр Александрович и беззаветную преданность наших северных собак. В частности, рассказал о несколько забавном, но драматичном случае, когда лайка

сохранила жизнь одному из участников медвежьей охоты.

Александр Александрович Черкасов (1834—1895). Из: Черкасов, 1990

Та драма не переросла в трагедию: «Несчастный промышленник не получил ни одной царапины и не раз говорил задушевное спасибо подоспевшему вовремя своему верному Кучумке...». В числе немногих иллюстраций книги Черкасова – соответствующая случаю и времени гравюра.

Прочитайте Черкасова – информативно, интересно.... Но как он мог не заметить в собаках Сибири той «северной» красоты, которую оценили лаечники: «Вероятно, многие охотники, даже большая часть, совсем незнакомы и по описанию с **сибирскими собаками!** Собаки эти составляют совершенно отдельную породу. Посмотрите на них, какие они *некрасивые*: острорылые, мохнатые, со стоячими ушами, с большими мохнатыми хвостами, – дворняжки, да и только! А зато посмотрите-ка на них на охоте с сибирским промышленником!».

Охота на медведя. Из: Черкасов, 1867, 1990

Как и А. А. Черкасов, не называл ещё лайками собак таёжников И. Г. Шведов в похожей по названию книге «Записки сибирского немврода» (1880). Они у него – «зверовые собаки», «дворняжки»... И опять: «...самая лучшая из всех собак, служившая нам, была *невзрачная* маленькая собачонка...». Прямо как на работе художника того времени.

Всё-таки обидно за лаек. Непонятно, как такие любители и знатоки сибирской природы и охоты не видели красоты и породности наших северных собак... Ладно бы, будь они «чисто интеллигентными» легашатниками, борзятниками, т. п.

Е. А. Тихменёв. У берлоги. 1904. Из собрания Павла Гусева

Известный же многим из нас замечательный учёный-биолог, издатель, охотник, охотовед и знаток собак Л. П. Сабанеев (1892, 1992) среди пород охотничьих собак выделял уже **ГРУППУ ЛАЕК**.

В ожидании предстоящей публикации «Альбома северных собак» А. А. Ширинского-Шихматова не стал описывать Леонид Павлович каждую из пород. Он ограничился рисунками – «портретами лаек некоторых пород» – **вотская (вотяцкая), вогульская, самодская и галицкая лайки**.

Эти «портреты» мы используем ниже при характеристике пород. Кроме того, Л. П. Сабанеев привёл названия ряда лаек, сопроводив часть из них кратчайшей характеристикой: «**ПОРОД ЛАЕК** в северной России и в Сибири довольно **МНОГО**, но ни одна из них не была ещё никем обстоятельно описана и исследована.

Великий охотник, энциклопедист-популяризатор Леонид Павлович Сабанеев (1844—1898). Из: Пискунов, 2008

Олонецкие (карельские) лайки, однако, заметно отличаются от **архангельских**, беличьи **собаки Костромской губ.** составляют или, вернее, составляли тоже самостоятельную породу...; медвежьи **собаки черемисов** отличаются псовистостью, массивностью и злобностью к медведю. Судя по **сибирской лайке** Поймаке, принадлежавшей его императорскому высочеству в. к. Николаю Николаевичу (это не первая лайка Российского императорского дома; смотри также ниже, где говорим о **камчадальской лайке** – Б. и О. Ш.),

в Сибири встречаются между другими очень псовистая и крупная порода. **Тунгусские лайки**, напротив, имеют короткую шерсть и лёгкий, несколько борзоватый склад. Почему, вероятно, происходят от помеси волкообразной собаки с **монгольской**. Самые типичные лайки – **зырянские**, с очень большими стоячими ушами, узким черепом и короткой псовиной». Ещё, при описании группы лаек, Л. П. Сабанеев упоминает **собак эскимосов, чукчей** и жителей **Камчатки**. Значит, он знал как минимум десяток пород лаек. Правда, о **костромской лайке** ещё в то старое время говорил как о бывшей породе.

Здесь заметим, что к началу XX века о наших северных собаках, *называя их лайками*, стали говорить не только у нас, но и в заграничной Европе.

В «Жизни животных Брэма» (1904) упомянуты в числе «всех северных лаек **собаки самоедов, камчадалов, эскимосов**».

Всё же, для нас наиболее авторитетны первые лайковеды.

Для начала приведём слова А. А. Ширинского-Шихматова (1895, 1896) – охотника-лаечника, лайковода и лайковеда, которые в лучшем виде поясняют ряд моментов, которые мы хотим акцентировать.

«Исследователи Севера не могли, конечно, не заметить СЕВЕРНОЙ СОБАКИ; не могли не согласиться с тем непоколебимым фактом, что ТОЛЬКО СУЩЕСТВОВАНИЕ ЭТОЙ СОБАКИ ОБУСЛОВЛИВАЕТ многим сотням тысяч инородцев ВОЗМОЖНОСТЬ ЖИТЬ и прозябать НА СЕВЕРЕ. Тем более является странным то обстоятельство, что на описание северных собак обращалось так мало внимания и что ДО СИХ ПОР даже НЕ УСТАНОВЛЕН точно КОРЕННОЙ ВИД, НЕ ГОВОРЯ О МАССЕ РАЗНОВИДНОСТЕЙ. Между тем РАЗНОВИДНОСТЕЙ ЛАЕК СУЩЕСТВУЕТ СТОЛЬКО ЖЕ, СКОЛЬКО СУЩЕСТВУЕТ ИНОРОДЧЕСКИХ ПЛЕМЁН на Севере, причём РАЗНОВИДНОСТИ ЭТИ НАСТОЛЬКО РЕЗКО ОТЛИЧАЮТСЯ ВНЕШНИМИ ПРИЗНАКАМИ СВОИМИ ОДНА ОТ ДРУГОЙ, ОБЛАДАЮТ НАСТОЛЬКО УСТАНОВИВШИМИСЯ, КАЖДАЯ В ОТДЕЛЬНОСТИ, ПРИСУЩИМИ ЕЙ ОСОБЕННОСТЯМИ, ЧТО ДЕЛЕНИЯ ИХ НЕ МОГУТ ВЫЗВАТЬ КАКИХ БЫ ТО НИ БЫЛО СПОРОВ И РАЗНОГЛАСИЙ».

Постулируя наличие у каждого северного народа по своей собаке, отличной от других, А. А. Ширинский-Шихматов соответственно назвал (в тексте и на карте их распространения) следующие «разновидности» (читай – *аборигенные породы*) **лаек**. Их названия мы постарались расположить «по месту жительства», в направлении с запада на восток (так же – и в нижеследующих перечнях):

норвежская
лапландская (лопарская)
финно-корельская
корельская
галицкая
самоедская
зырянская
черемисская
башкирская (собака башкир)
вотская (вотяцкая)
вогульская
остяцкая
сойотская (собака сойотов)
бурятская (собака бурят)
тунгусская
якутская (собака якутов)
юкагирская (собака юкагир)

корякская (собака коряков)
камчатская (камчатская собака)
чукская
эскимосская (эскимосская собака)

Как видим, здесь только одна **галицкая лайка** названа не по имени своего народа-владельца. Эта лайка получила своё ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ название от города Галич (рядом с озером Галичским) или одноименного уезда Костромской губернии. То есть, уже в то время не везде срабатывала формула «народ – своя лайка». **Галицкая лайка** не привязана своим названием к тому или иному северному народу, а к местности. Наверное, в таких случаях будет точнее сказать не «аборигенная», а «местная лайка»?

Чем «моложе» публикации кинологов о лайках, тем больше географических (местных) названий пород. Думаем, что это неспроста.

Мы полагаем, что НАЗВАНИЯ ПОРОД ЛАЕК СЛУЖАТ ПОКАЗАТЕЛЯМИ ИХ РАЗВИТИЯ (изменения) в нашем меняющемся мире. Пока человек выступает как один из природных факторов (не ведёт культурную селекцию) – развитие естественно. И уже давно направлено оно в сторону метизации, слияния пород и деградации. Хотим мы этого, или нет. Когда же человек общается с лайкой в качестве специалиста-селекционера, возможны и стабилизация породы, и возврат к первоначальному типу, и создание новой породы путем скрещивания – что захочет. Всё возможно при культурном, искусственном развитии породы.

Так вот, названия пород лаек, их изменения и появление новых в кинологических публикациях очень четко говорят об определенной направленности эволюции этих пород (увидим ниже, что не всегда за названием имеется в виду именно порода в её современном понимании).

Поиск подтверждение сказанному в старой литературе. Проследим, в каком направлении шло изменение наших северных собак, как соотносились естественный и искусственный пути их развития. Вспомним былые породы, большинство из которых, к нашему сожалению, стали уже историческими.

Мы уже ознакомились с перечнем лаек, что у А. А. Ширинского-Шихматова. Его можно заметно дополнить названиями лаек, которые употребляет М. Г. Дмитриева-Сулима (1911), в т. ч. ссылаясь на других исследователей (этнографические и географические названия лаек приведём отдельно):

киргизская
юракская (лайка юраков)
лайка гольдов
орочонская
ламутская

И по географическому признаку:

олонецкая
каргопольская
кеврольская
архангельская
костромская
вятская
печорская
берёзовско-сургутская
томская
нарымская

**туруханская
виллюйская
колымская**

А также такие «всёохватывающие»:

**западно-сибирская средне-сибирская восточно-сибирская
сибирская
полярная**

Обратим внимание на следующее.

Из названий лаек, которых мы нашли в работе М. Г. Дмитриевой-Сулимы (не считая списка из князя Ширинского-Шихматова), преобладают географические. Причем, большая их часть принадлежит другим авторам, на которых она ссылается.

Западно-сибирская и восточно-сибирская лайки (в то время писали через чёрточку) из этого списка не имеют отношения к одноименным заводским лайкам – о них потом.

И вот какие выводы напрашиваются при анализе всех этих названий аборигенных лаек, и вообще, при чтении лайковедов начала прошлого века.

Ко многим, наиболее примитивным нашим северным собакам они уже тогда опоздали. Чтобы увидеть собак всех малочисленных народов нашего Севера, нужно было застать их (людей и собак) в более раннем состоянии. Когда эти люди и собаки жили ещё без особого влияния извне. К началу XX века свои собаки сохранились в «чистом» виде только у тех народов, которые сами остались прежними.

Даже само появление географических названий лаек, особенно производных от больших территорий (где жил не один народ), говорит о том, что лайки разных аборигенов смешались естественным путем. В лучшем случае, получились новые местные породы, которые и удостоились внимания первых лайковедов. И соответственно были названы – по губернии, крупной реке, т. п. В крайнем, худшем – породы деградировали и исчезли из-за наступления цивилизации европейского типа.

Правда, возможна и другая причина появления названий лаек по географическому признаку, особенно таких очень уж обобщающих как **«сибирская»**, **«средне-сибирская»** и т. п. Могли же быть кинологи, пусть даже грамотные и знающие, но не имеющие достаточного опыта общения с такими собаками, без того какого-то интуитивного умения «видеть лайку». Тем более что не может быть очень резкой видимой разницы между породами аборигенных лаек – примитивных собак, близких к общему дикому предку. Во всяком случае, в пределах одной ландшафтной зоны. Потому-то такие кинологи-«нелайковеды» определяли две-три породы там, где другие описывали их много. Мы умышленно акцентировали тот факт, что М. Г. Дмитриева-Сулима приводит в своей работе такие названия лаек большей частью по другим авторам.

Итак, уже первые лайковеды столкнулись с нежелательным влиянием этого беспокойного XX века на породность наших северных собак, особенно в европейской части нашего материка. М. Г. Дмитриева-Сулима называет ряд лаек уже вне связи с конкретными северными народами, а то и сомневается в их породности, типичности, т. е. считает помесями: «преимущественно вырождаются лайки в губерниях Костромской, Олонецкой, Новгородской, Архангельской».

Далеко не все аборигенные лайки «дожили» до XX века. Одним из них было суждено стать исчезнувшими предками современных пород, другим – просто остаться в истории. А ещё были «породы» оставившие след только в истории изучения наших северных собак. Но все они заслужили того, чтобы вспомнить о них.

Нужно сказать, что информация о собаках в работе уже знакомой нам охотницы с лайками несколько бессистемна, с трудом поддаётся анализу. Видно, это дань за «живое» изложение виденного, очень интересующего, любимого, от которого веет духом времени и былой северной охоты. Тем не менее, кто-то из нас – любителей лаек должен здесь разобраться.

Именно здесь уместно также предвосхитить некоторые вопросы и недоумения читателя. Кинологическая литература не так уж научна, чтобы быть строго однозначной в понятиях, терминах.

В цитатах из источников мы встречаем слова «разновидность», «отродье», «порода» или просто «лайка», которые чаще обозначают одно и то же создание природы (где человек – ещё её естественная составляющая). Нам же импонирует определение «порода», *аборигенная или местная*, в отличие от тех, кто называет породой только то, что признают популярные клубы, федерации, союзы... По их меркам большинство объектов нашего с Вами внимания в худшем случае совсем игнорируется, в лучшем – это непризнанные породы (вроде бы они есть, но их как бы нет...).

Начнем с вышеприведенного перечня лаек названных по географическому признаку.⁶⁷

Олонецкая лайка

Название идёт от Олонецкой губернии, что западнее Архангельской.

Имеем только описание, которое дал некий г. Бек-Юсуф.

«...типичность здешней лайки не поддаётся строгому описанию, она, очевидно, *утеряла кровность* – всё какая-то разновидность по росту, псовине, и статьям; видно полное падение от всевозможных скрещиваний».

«Г. Бек-Юсуф находит, что лайка волчьего окраса, серого, более других отстояла кровность. Остальные преобладающие окрасы суть: жёлтый, чёрный, рябой (пегий, пёстрый?) и очень редко белый. Рост восемь вершков (около 36 см! – Б. и О. Ш.), длина двенадцать вершков, грудь широкая, сухие ноги, мускулатура хорошая и загнутый кольцом хвост пушист, стоячие острые уши, голова пропорциональна корпусу с сухим, средней длины, щипцом, нижняя челюсть короче».

Кроме того, **олонецкая лайка** сходна с **костромской (галицкой)**, в т. ч. ростом. Но у первой морда тупее. Окрасы тоже разнятся.

Вспомним также, что Л. П. Сабанеев (см. выше) названия **лаек олонецкая и карельская** употреблял как синонимы.

Каргопольская лайка

Название – от Каргопольского уезда Олонецкой губернии. Использовалось г. Бек-Юсуфом как *синоним* (или местная разновидность) **олонецкой лайки**.

Кеврольская лайка

Была распространена в Архангельской губернии, но наиболее в Кевроле Пинежского уезда (отсюда название). Так называли *помесь зырянской лайки*: «...окрас её чёрный; пятого пальца нет;...длинное туловище, огромные стоячие уши; хороша на птицу, белку, горностаю». Это практически всё, что касается собственно **кеврольской лайки** – одной из **архангельских**.

⁶ Если не оговорено, источник описания этих собак: Дмитриева-Сулима, 1911.

⁷ Как мы уже говорили, особым шрифтом выделяем все названия лаек. А наше и цитируемых авторов отношение к их породности будем подчёркивать. Так легче ориентировать читателя, который понимает, что далеко не все собаки названные лайками можно считать таковыми (аборигенными или местными).

Архангельская лайка

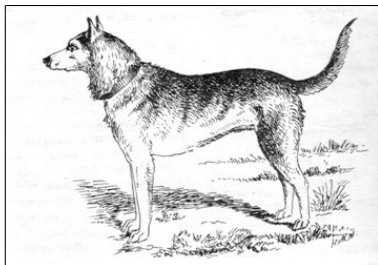
«Г. П-ъ, автор статьи «Триста вёрст на водяных лыжах» говорит об **архангельских лайках**: «Здесьняя порода собак, остроухих, остромордых, белой по большей части шерсти, *чрезвычайно смышленная* и с прекрасным чутьём»... «Между тем Г. Косырев пишет..., что они «крайне разнообразны по внешнему виду», что вместе с культивированием края порода местных собак исчезает, являются всевозможные помеси. Здесь **самоедская лайка** смешана с **зырянской** и другими породами... Таким образом, **архангельские лайки не представляют собою сохранившегося типа** и состоят из помесей северной собаки вообще, за исключением небольших районов, где сохранилась однотипность и масть белая. Но мы видим, что, тем не менее, все **архангельские лайки**, хотя и в неодинаковой степени, обладают хорошими охотничьими качествами. Ясно, что и **ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ЕДИНИЦЫ лайка архангельская НЕ ПРЕДСТАВЛЯЕТ**».

Галицкая лайка

Из вышесказанного мы уже знаем – никакого отношения к Галиции (Галычине), что в Украине, это название не имеет. Там аборигенные лайки исчезли намного-намного раньше, чем в Галицком уезде Костромской губернии. Хотя в Киевской Руси на территории теперешней Украины с ними ещё охотились, белковали (в первой главе мы рассказывали о лайках на фресках XI века, которых видели в соборе Софии Киевской). Было это задолго до того, как появились слова и «Украина», и «Галиция»...

Ещё А. А. Ширинский-Шихматов (1985) писал, что **галицкие лайки** не представляют собой «особой разновидности, а являются лишь продуктом смешений».

Это название могло бы принадлежать собакам одного из уездов, чем-то отличным от лаек всей Костромской губернии. Если бы тогдашние знатоки не считали его синонимом **костромской лайки** (см. чуть ниже). Но до нас дошёл рисунок собаки от Сабанеева именно с таким названием, которое уместно меньше других.

Галицкая лайка. Из: Сабанеев, 1892, 1992

Костромская лайка

«... Эрнст, костромской охотник, в „Журнале Охоты“ описал **лайку костромскую (галицкую)**. Вот её внешний вид: небольшие, остроухие, остромордые собачки, чёрно-пегой или чёрно-чепрачной масти, белые подпалины и ошейник; пропорциональны, мускулы превосходны, рост 8 вершков». Но и здесь: «...г. Эрнст – знаток лайки и охоты с нею. Между тем **описание костромской лайки**, прекрасной на охоте по всякому зверю и птице, *не отвечает требованиям теории и науки*...».

Выше мы цитировали Л. П. Сабанеева – он считал, что **костромская лайка осталась в прошлом**.

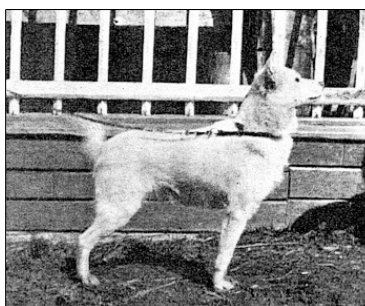
Вятская лайка

«...этнографическая карта народностей, кажется, должна быть и этнографической картой лайки, если взять во внимание и за основу деления и названия лаек не по местности, а по народностям, их содержащим, как это делает князь Ширинский-Шихматов. В данном случае *название вятская лайка теряет смысл*, так как здесь, в Вятской губернии, живут, кроме вотяков, черемисы, зыряне, пермяки и мн. др.». «В Вятской губернии лайки по этнографическому делению суть: **черемисские, вотяцкие, зырянские**. Так было лет 12—15 назад, теперь всё смешалось, слилось...».

К этим лайкам мы ещё вернёмся. А наименование «**вятская лайка**» отнесём к истории изучения северных собак.

Печорская лайка

Классик лайковедения оставила нам фото такой собаки, но при этом полагала, что **печорская лайка «создалась из двух»: самоедской и зырянской**. О них – ниже.

Печорская лайка. «Белько» г. Подороги. Из: Дмитриева-Сулима, 1911

Берёзовско-сургутская лайка

В нижнем течении Оби от Берёзова до Сургута обитали остяки. Значит, *речь* — о собаках этого народа, «универсальной», *лайке* Тобольской губернии – **остяцкой**.

«Собака имеет в инородческом быту большое значение повсеместно. Для оленевода она – пастух оленьих стад, для зверолова – спутник в промысле, как ищейка и как рабочее животное (тащит нарту с провизией); и в домашнем хозяйстве инородцев – как рабочее животное: на них возят воду, дрова, сено и разную кладь – муку, рыбу и проч.». Жаль, что нет описания породных признаков.

Томская лайка

Так называл г. Лобаческий *три разновидности, «породы»* лаек Томской губернии. Первая: «Рост средний; изсера-жёлтая шерсть напоминает волка; широкая грудь, костистые ноги, русачья лапа; морда острая; торчащие уши; круглые чёрные глаза выражают энергию, ум; хвост загнут на спину кольцом». Вторая отличается только тем, что «тоньше» и «меньше». Третья – совсем не лайка, а вислоухая помесная собака.

Нарымская лайка

Нарым – это на Оби, северо-западнее Томска. Возможно, упоминалась *разновидность (отродье)* так называемой **томской лайки**.

Туруханская лайка

В районе Туруханска жили и живут охотники и рыболовы енисейские остяки (теперь кеты). Очевидно, *упоминалась (и только)* их собака.

Виллюйская лайка

Обобщающее название собак Виллюйского округа Якутии – **тунгузской и якутской лаек**, которых впервые исследовал академик Маак (1877). К этому имени мы ещё вернёмся. Описание этих пород приведём ниже.

Колымская лайка

Впервые была описана В. И. Иохельсоном (1898) в Колымском округе как **полярная собака**: «Ростом **полярная собака** не велика, высота её в плечах 50—60 см. Бывает и несколько выше, но многие... поражают вас своим малым ростом.... У состоятельных хозяев собаки, пользующиеся лучшим уходом, всегда рослее. По наружному виду местная ездовая собака, со своими стоячими ушами, косым разрезом глаз, густой шерстью, широкой и относительно большой головой, острой мордой и спущенным (когда она не в духе, устала или ест) пушистым хвостом, весьма походит на волка.

Но есть между ними мохнатые собаки с несколько притупленным носом, ничем по виду не отличающиеся от наших шпицев (**самоедские лайки**, см. ниже – Б. и О. Ш.).

Малорослые же собачки с длинной мордой и острым носом настолько похожи на лисиц, что только по цвету шерсти и круглым зрачкам можно их отличить от последних. Сходство это ещё более увеличивается, если попадётся собака с жёлтой окраской меха.

Вообще тип **колымской ездовой собаки** не однообразен, и она, очевидно, составляет помесь **камчатско-эскимосской собаки** с другой пришлой породой (абзацы в этой цитате сделали мы – Б. и О. Ш.).».

Исследователь указывает также преобладающие окрасы **колымской лайки**: серый, серо-жёлтый, белый с серым. «Совершенно белых нет». К западу от р. Колымы преобладали чёрные собаки.

И ещё: «Ноги сравнительно толсты и коротки; грудь, которой тянут нарту, прекрасно развита; шея толста и коротка. Морда необыкновенно хитрая, с меланхолическим или угрюмым выражением».

Похоже, что В. И. Иохельсон дал описание трёх пород: **колымской, самоедской и тунгузской**. С последней всё ясно – бродячие таёжники тунгузы и их собаки были лучшими охотниками Колымского округа. А появление в этом крае собачек тундровых кочевников самоедов объясняет М. Г. Дмитриева-Сулима: «Разумеется, с переселением людей переселялись и собаки. Эти „мохнатые“ изредка попадающиеся собаки, по-моему, нарождаются отчасти в силу атавизма, отчасти попадают из Енисея от самоедов и юраков на Лену, т. е. на её устье, жители которого сообщаются и с Туруханским краем, и с Индигиркой, а через неё и с Колымой. По крайней мере, я сделала подобный вывод, побывав и поразспросив на низовьях и устье Лены. Посещение Большеземельской и др. тундр привело меня к окончательному выводу о константности породы и типа **полярных мохнатых собак** (См. мою статью о **самоедских собаках** в „Waidmannsblatter“ за 1910 г.)».

Понятно, что Мария Григорьевна говорит о **самоедских (ненецких) лайках**. Интересно... Мы то писали, что эти собачки попали на Северо-Восток только в советское время, в 40-вых годах (Широкий, Широкий, 2004).

Эти три наши северные собаки, которые описаны В. И. Иохельсоном под общим названием **полярной лайки (колымская, самоедская, тунгузская)** представляли в Колымском округе все три этно-ландшафтные группы наших северных собак: береговые, тундровые и таёжные лайки (соответственно). См. классификацию в главе 1.

Название «**колымская лайка**» живуче. Оно встречается и в публикациях советского периода нашей истории. Поэтому продолжим разговор о собаках Колымы в следующей главе.

Очередь за названиями лаек, которые произошли от огромной Сибири и её частей, тоже очень обширных.

Западно-сибирская лайка

В то время подобные слова писали через дефис. Это название употреблялось как синоним **томской лайки** или как *сборное для собак Западной Сибири*. Выше мы уже замечали, что не нужно путать с **западносибирской лайкой** заводского разведения.

Средне-сибирская лайка

Подобно предыдущему, некоторые исследователи *так называли лаек Средней Сибири*, в т. ч. **тунгускую**.

Восточно-сибирская лайка

Такое название иногда использовалось для собак *Иркутской губернии*, включая **тунгускую лайку**. В советское время это имя получила одна из заводских лаек, о которой – отдельно.

Сибирская лайка

«...невозможно обобщать под именем „**сибирской**“ **лайки** все существующие разновидности северной собаки на азиатском материке Российской Империи», – писала классик лайководения.

Наверное, и **сибирская лайка** российского императора Николая Николаевича, которую упомянул Л. П. Сабанеев (см. выше), представляла собой одну из пород лаек Сибири.

Иностранные исследователи Арктики называли **сибирскими лайками** также собак жителей Заполярья. Благодаря незаурядности, береговые лайки использовались очень интенсивно. Не исключением была вторая американская экспедиция Циглера 1903—1905 годов, которой руководил Фиала:

«В 1902 году Седов, командовавший гидрографическим судном «Пахтусов», зашёл в Архангельск, где встретил американский корабль. «Америка» циглеровской экспедиции готовилась к выходу на остров Рудольфа.

Седов с группой морских офицеров нанёс визит Фиала...

Польщённый... Фиала... стал хвастаться обеспечением экспедиции: «...У нас *четыре-ста тридцать ездовых **сибирских лаек*** и два десятка пони. *Всё самое лучшее в мире* собрано здесь» (Аккуратов, 1974).

Занятно, что до сих пор очень многие «знатоки», завидя лайку любой породы «авторитетно» называют её **сибирской лайкой**... (стыдно, что плохо мы знаем наших собак).

Похожее название имеет не лайка в нашем понимании, американская лайковидная порода – сибирский хаски. Родоначальники этой породы были вывезены с Колымы, Чукотки и Камчатки. В 1992 году мы встречались с маршалом (есть такая должность на гонках собачьих упряжках) аляскинско-чукотских гонок «Надежда» Эрлом Норрисом. Он вспоминал, как в молодости участвовал в вывозе лаек на Аляску. Тех прежних собак Северо-Востока он очень хвалил, отбирал только строго остроухих.

Полярная лайка

Общее название аборигенных пород лаек Крайнего Севера, которое сохранилось в литературе до наших дней.

К этому имени мы ещё вернёмся. А пока покажем фотографию собак, которых называла **полярными лайками** М. Г. Дмитриева-Сулима (1911).

Тип полярных собак. «Чёрный» и «Белый» завода Дм.-Сулимы. Из: Дмитриева-Сулима, 1911

Географические названия лаек использовались уже тогда, в самом начале XX века. В основном они обобщали собак большей или меньшей территории, в лучшем случае – служили синонимами аборигенных пород. Соответственно и собаки этих местностей были «обобщёнными», т. е. помесями, «слившимися» породами, т. п.

Ясно, что вышеперечисленных лаек нельзя считать отдельными породами. В то время, если не было этнической «привязки» собаки, то уже и не было породы. И не могло быть её чёткой идентификации.

Тем не менее, такие названия лаек кинологи используют до сих пор. По необходимости – в случаях, когда собаки определённой территории, не имеющей этнической целостности, изучены и признаны как порода.

А как же с теми лайками, которых называют именем малочисленных народов, с которыми они сотрудничают? Всех ли было возможно определить как породы в конце XIX – начале XX столетий? Для ответа вернёмся к перечню лаек князя Андрея Ширинского-Шихматова, который анализировала и продолжила М. Г. Дмитриева-Сулима (см. выше).

Норвежская лайка

Описания мы не нашли – всего лишь *упоминание*. Наверное, князь имел в виду одну из бывших аборигенных **собак норвежцев** – предков современных заводских пород Норвегии из группы шпизов и их прототипов FCI: норвежские серый и чёрный ельгхунды, норвежский лундехунд, норвежский бухунд... Но современные собаки Норвегии – за пределами нашей темы, так как они не сохранили примитивность в комплексе признаков, почему не вправе носить имя «лайка».

Лапландская (лопарская) лайка

А. А. Ширинский-Шихматов (1895, 1896) назвал её местонахождением только Кольский полуостров, «забыв» при этом, что Лапландия – это ещё и более обширные земли в пределах всех трёх стран Скандинавии. Он выделял эту *породу* во вторую (из двух) группу северных собак вместе с **самоедской и якутской лайками**. Сюда же относил также **юкагирскую, корякскую и камчатскую лаек**. Надо сказать, что эти породы, тундровые и береговые, объединяет ещё и то, что обитают они в наиболее суровой среде. Незря, одна из их особенностей – «псовина гораздо гуще и длиннее». «Все собаки этой II-й группы вообще одеты великолепно».

Отличались они от остальных лаек и по окрасам: «Количество окрасов шерсти более ограничено, чем в первой группе, причём пёстрых собак не встречается, или если они и встречаются, то как исключение. Преобладающие цвета: чисто белый, чёрный, чёрный с пепельным подшерстком и отливами (наприм., **лапландские**), но не с подпалинами, кото-

рых у собак второй группы нет; – пепельно-серый с чёрным отливом, белый с желтизной, реже тёмно-серый с желтизной».

Ранняя характеристика окрасов лаек тундры и побережий представляется нам важной. Она пригодится современным селекционерам, которые стремятся получить максимально «аборигенный», наиболее примитивный тип собак указанных геоландшафтных зон.

Но заметим, что М. Г. Дмитриева-Сулима (1911) сужает объём второй группы до трёх лаек, причём, только тундровых: **лапландской, самоедской и юракской**. О **якутских лайках** она говорит, что эти собаки «не имеют ничего общего с **самоедскими**».

Старая открытка представляет нам **лапландских лаек** того времени, которые ничем не отличаются от **самоедских лаек** (и современных **ненецких**), коим приходится предками.

Равные с людьми аборигенные **лапландские лайки** видны на фотографии начала прошлого столетия.

На ещё старшем (почти на столетие) рисунке А. А. Борисова – тоже верный товарищ саама – **лапландская лайка**, такая же как и **самоедские лайки**.

В приложении 1.1 можно ознакомиться, наверное, с первым, причём совместным, кратким описанием основных признаков **лапландской и самоедской лаек** по Ширинскому-Шихматову.

Скансен. *Лапландские собаки*. Открытка. Издатель серии Cederquists Graf. A. B. Nordiska Museets Uteslutetande. Почтовый штемпель 1913 г.

Саамы. Начало XX века. Фото Granbergs Nya Aktiebolag

Саам (С рис. худ. А. А. Борисова). Из: Литке, 1828, 1948

Большое сходство пород, а также другие значимые факты из истории народов-владельцев послужили обоснованием версии происхождения **самоедской (ненецкой) лайки** (Широкий, Широкий, 2004).

Самоеды (ненцы) общались с лопарями (лапландцами) на Европейском Севере и получили от них где-то в первой половине XIX века весьма нужную и любимую тундровую собачку. У самоедов она приобрела незначительные отличия, всё же позволяющие претендовать на звание отдельной породы (см. приложение 1. 1.)⁸

Скандинавские кинологи использовали аборигенных **собак лапландцев** для создания культурных пород: лаппхунда (шведского) и лапинкойра (финского лаппхунда). Разделение **лапландской лайки** на две породы было, скорее всего, политическим. Для этого пригодились разнообразие её окрасов.

Самоедская лайка

Совсем недавно в известном украинском кинологическом журнале, в статье о культурной зарубежной породе *самоед* опять прежнее название ненцев объясняется очень безграмотно. Что, мол, самоеды «сами едут» или «сами едят», чуть ли не сами себя... Уже даже не смешно, скорее – грустно. Обидно, что эта глупость исходит от владельца *самоедов* – надо же знать хотя бы историю названия своих собак... Сколько раз уже говорено и писано: «самоеды» – это от «самоди». Есть такая *самодийская* языковая группа северных народов. Она включает наряду с енисейскими самоедами (энцами), тавгийцами (нганасанами), юраками (восточными ненцами) и остяко-самоедами (селькупам), можно сказать, титульный народ этой группы – *самоедов* (ненцев). И все самодийцы имели (и имеют) **самоедскую лайку**, правда, по-разному её называли.

Эта *порода* нам любя особо. Может быть, ещё и потому, что мы занимались **самоедской (ненецкой) лайкой** специально. Известно – предмет какого-либо углублённого изучения часто становится близким, родным.

Благодаря чёткому своеобразие, порода довольно легко прослеживается в литературных источниках от своего первобытного предка – **собаки свайных построек** (см. выше) вплоть до наших дней. Значит, будем встречаться с этой собачкой среди советских и совре-

⁸ Полагаем, что читателю будет удобно, если все более или менее подробные описания типичных признаков пород лаек – официальные и неофициальные стандарты, и их проекты – собрать в одном месте в виде приложения к основному тексту. Легче сравнивать первые и последующие описания. И самому делать выводы о том, как со временем изменялось видение лаек кинологами. А может быть, это сами породы преобразались? Думаем, что имело место и то и другое. Впрочем, вдумчивому читателю виднее.

менных лаек. Интересно, что на протяжении своей истории порода практически не изменила своего облика. Этому есть и такое объяснение.

Тундра – среда обитания этих небольших лаек в историческое время – во многом копирует ландшафт плейстоценовой Европы, где формировался и одомашнивался их первобытный предок. Так что с момента одомашнивания и до нашего времени предки **самоедской лайки** и она сама всегда были тундровыми (ранее тундростепными) собаками. И в Центральной Европе, и потом – на Европейском Севере. Не потому ли современная **самоедская – ненецкая лайка**, скорее всего, мало отличается внешне от **торфяной собаки**? В то же время, порода за свою историю приобретала разные названия, многие из которых сохранились до сих пор. Читатель сможет убедиться в этом, просматривая описания породы в каждой из последующих глав.

Напомним, что М. Г. Дмитриева-Сулима выделяла **самоедскую лайку** в особую группу, вместе с **лапландской и лайкой юраков**. Принимаем версию того, что эти три лайки являются по сути одной тундровой породой. **Самоедской лайке** была оказана большая честь – она самолично представляла вторую группу пород лаек (к первой относились все остальные)!

Группа самоедов и юраков. Самоеды (энцы), юраки (бюенцы). Истоки реки Гольчихи. Туруханский край. 1916. Фото А. Я. Тугаринова из коллекции Красноярского краевого краеведческого музея (КККМ 5283)

Мы показывали (Широкий, Широкий, 2004), что этой породой европейского происхождения вначале владели лапландцы, а самодийцы, в т. ч. юраки, уже в XIX веке. Позаимствовать **лапландскую лайку** у соседей и назвать её своей самоедам было совсем нетрудно во время их очень близких, но не очень благородных контактов. Самоеды вытесняли конкурентов с оленьих пастбищ Кольского полуострова на запад вплоть до 1887 года, когда привели сюда с Печоры свои табуны оленей (Помишин, 1990).

Конечно же, наша тундровая лаечка далеко не сразу стала у лапландцев и самоедов **оленьей собакой**. Очевидно, скандинавы, а затем и лапландцы, использовали её для других целей. Управляться же с оленями собака стала помогать кочевникам тундры не так уж давно, где-то в середине XIX века, когда они обзавелись крупными табунами оленей.

А. А. Ширинский-Шихматов (1895, 1896) показал обширную территорию обитания **самоедской лайки**: «Распространена по всему побережью Ледовитого океана, включая Новую Землю, полуостров Ямал, Большеземельную и Малоземельную тундры; переходит затем Урал, имеется в большом количестве в Обдорске (сегодня это Салехард – Б. Ш. и О. Ш.) и по всему побережью Ледовитого океана, далее к устью р. Енисея».

Описывалась эта порода почти одинаково, и в то отдалённое время, и в советское, и сейчас. Порода не подвергалась изменениям: **«Самоедская собака в помесях с зырянской лайкой или какой другой разновидностью энергичнее других отстаивает свою типичность»** (Дмитриева-Сулима, 1911)».

Краткие досоветские характеристики породы мы уже привели выше, где – о **колымской и лапландской лайках**. Можно добавить из того же источника сведения о некоторых проблемах с этой породой на выставках. Общее представление о внешности лаек требовало «типичной муфты и хвоста без подвеса». И своеобразие **самоедской лайки** здесь оказывало ей плохую услугу: **«Оленегонные, юракские и другие, имеющие громадные, роскошные подвесы, ... раскритикуются»**.

Что же касается этих собак как охотников, то здесь же читаем: **«Оленегонные лайки самоедов – отличные охотничьи собаки по разным зверям и птице.... Та же самоедская собака, которую можно слышать лишь воющую на берегу Ледовитого океана, попав в руки остяку или вогулу и привыкнув к лесу, начинает не только лаять, но и подлаивать всякого зверя и птицу... Что касается самоедских собак, то это даже большие любители полаять»**.

Кого из читателей интересуют эти небольшие лайки как охотники, тот пойдёт с нами в следующую главу и дальше. Пока же глянем на её кинологические портреты.

Одно из первых, досоветских изображений этой лаечки – гравюру с автографом художника мы находим у Сабанеева.

Самоедская лайка. Из: Сабанеев, 1892, 1992

Тоже старинные фотографии собак этой породы из архива Веры Губиной украшают интересную нестандартную статью А. Г. Евреинова (1996). Схожи с **ненецкими лайками** нашего завода. Читатель сможет увидеть их в главе «Современные лайки». И убедиться, что порода за свою историю практически неизменна.

Оленегонные лайки БЕЛКО И БЕЛКА князя А. А. Ширинского-Шихматова, золотая медаль, Москва 1898 г. Из: Евреинов, 1996

Следующее фото досоветской **самоедской лайки** использовано двумя авторами: Ю. А. Ливеровским и А. Г. Евреиновым. И не только.... Теперь ещё и нами... Обратим внимание на то, что подписывая иллюстрацию, авторы называют породу по-разному. Для неё это совсем обычно.

*Типичная самоедская лайка «Откуй» А. А. Ширинского-Шихматова. Из: Ливеровский, 1927. **Самоедская ездовая собака ОТКУЙ**, князя А. А. Ширинского-Шихматова, золотая медаль, Москва 1898 г. Из: Евреинов, 1996*

Из фотографий **собак самоедов** в среде их обитания одни из первых – Я. И. Лейцингера.

Мезенский самоед. Я. Лейцингер. Типы и виды Архангельской губернии. 1887 г.

Многие работы Якова Ивановича Лейцингера, благотворителя, городского головы Архангельска и «штатного фотографа», сопровождавшего в поездках губернаторов Энгельгардта и Сосновского по всей Архангельской губернии, использовались ими для изданий фотоальбомов. Интересно, что в альбоме А. П. Энгельгардта (1897) это фото подписано иначе: «*Новоземельский самоед и его хозяйство*». Так мезенский или новоземельский самоед и, соответственно, его собаки? Полагаем, что они позировали фотографу на Новой Земле, а не в Мезенской тундре. Когда на Новой Земле власти поселили самоедов, те вели там не тундровую (оленную), а береговую жизнь – завели упряжки *разных собак*, которых им доставили из Архангельска. Оттуда и пошёл известный веерный способ запряжки собак новоземельского типа (как на фото). Вот на следующей фотографии характерной «оленной» обстановки – типичная небольшая тундровая **самоедская лайка** преобладающего тогда светлого окраса.

Юрта самоедов. Я. Лейцингер. Типы и виды Архангельской губернии. 1887 г. (На фото лаечку едва видно – показываем его увеличенный фрагмент).

Собака самоедов показалась настолько интересной цивилизованным европейцам и американцам, что ещё где-то на меже XIX и XX столетий первой из лаек проложила себе путь в ряды культурных пород. Потрясающе эффектный и симпатичный белоснежный *самоед* наших дней – выдающийся результат селекции зарубежных кинологов. Эта «снежная» собака получена путём отбора на чисто белый окрас, увеличение размеров, крепости и некие другие признаки, которые, в представлении селекционеров, сделали бы *самоеда* символом Севера – фенотипически (внешне) примитивную полярную собаку. Племенным материалом для создания *самоеда* послужили **самоедские лайки**. Поэтому нелишним будет ознакомиться, возможно, с первым американским стандартом будущего *самоеда* в изложении П. Ф. Пупышева (приложение 1.2).

Современное же описание признаков этой давно уже *не нашей* северной собаки (*не лайки*) читатель легко найдёт в популярной литературе.

Известная всем собаководам Джоан Палмер (1988) заверяет, что первая пара **самоедских лаек** – родоначальников большинства *самоедов* появилась в Великобритании в 1899 году, и несколько наших тундровых собак использовал в экспедиции к Северному полюсу Фритьоф Нансен.

Говорит г-жа Палмер и о том, что 28 **самоедских лаек** помогли Амундсену первому из людей в 1911 году ступить на Южный полюс (лапа собаки – передовика упряжки всё же ступила раньше человека – Б. и О. Ш.). Тогда-то очень возросла популярность нашей породы.

Гордимся нашими собаками! Но всё ли точно в популярной великолепной книге госпожи Палмер – она же не лайковед. Обратимся за подтверждениями к другим источникам.

Hans-Joachim Swarovsky (1987) уточняет: в 1899 году парочку **самоедских лаек** из Архангельска вывез для разведения известный полярник англичанин Роберт Скотт.

В 1900 году вместе с экспедицией норвежца Карстена

Покидают «Фрам» 14 марта 1895 г. Из: Nansen, 1897

Борхгревинка (1958) в Антарктиде впервые перезимовали 90 **сибирских лаек**. Каких собак называл этот полярник сибирскими? Вполне возможно, что среди зимовщиков были и **самоедские лайки**. Известно – с началом великих полярных открытий интерес к этим собакам в Скандинавии резко возрос. А что до «сибирских», так тогда зарубежные полярники часто всех своих лающих помощников без разбору называли или **эскимосскими**, или **сибирскими**.

Как же с Амундсеном? Ивонн Перетонни-Вемьян (1992), специалист по *самоедам*, отметил в статье к журналу «Друг», что передовиком одной из упряжек удачливого покорителя Южного полюса была **самоедская лайка** по кличке Етах. В этой же статье – не совсем к теме, но любопытно: «...родоначальником французских *самоедов* стал пёс по кличке *Ш. Борис...*». Обратите внимание на то, как зовут старшего автора предложенной читателю книжки – мистика какая-то...

А вот сам Руаль Амундсен (1972; перевод с норвежского издания 1912 года) не даёт конкретного ответа о принадлежности сподвижников к той или иной породе. Хотя пишет о них с любовью и юмором. Называет то *гренландскими*, то *эскимосскими*, то *полярными*. ... Но находим у него косвенные подтверждения правоты упомянутых выше авторов.

Так вот. 97 **полярных собак** для экспедиции было доставлено из Гренландии. «В Кристиании мы приняли на борт 97 собак. Теперь число их возросло до 116, и почти все они могли быть использованы для завершающего перехода на юг». 116 минус 97, получается, что 19 собак Р. Амундсен уже имел (если речь – не о приплоде). Эти 19 могли быть **самоедскими лайками**, приобретёнными ранее, да затем расплодиться до 28-ми (по Палмер). Но интереснее следующая цитата: «...А, эти из упряжки Хансена, *одни из наших самых лучших...* Две..., похожие на сосиски на спичечных ножках, – это *Кольцо и Милиус*. Сами видите, они *небольшие, скорее даже маленькие, но зато чуть не самые выносливые у нас...* Вот лежат его (Бьоланда) любимцы – Квен, Лопарь (не от **лопарской** ли **лайки** эта кличка – Б. и О. Ш.), Пан, Горький и Йола. *Ростом невелики, но отличные собаки*».

Конец экспедиции. «Свора» Амундсена насчитывает 39 собак. 11 – побывали на полюсе. 21-ну счастливый полярник собирается передать австралийской экспедиции Дугласа Моусона. «Два брата-близнеца *Милиус и Кольцо*, любимцы Хельмора Хансена, как ни в чём не бывало, возобновили свою возню на фордеке, у левого борта, и, глядя на этих озорников, никто не сказал бы, что *они прошли во главе отряда весь путь до полюса и обратно*».

Похоже (если разбираться внимательно), что **самоедские лайки** были участниками победной экспедиции на Южный полюс. При этом, как минимум двое из них, маленькие передовики Милиус и Кольцо, может быть, *первыми из европейцев оставили на полюсе свои следы!*

Финно-карельская лайка

Описания этой лайки А. А. Ширинского-Шихматова мы не нашли, но князь отметил ареал их распространения: «Финляндия на юг по 62 шир. и западное побережье Белого моря от Кандалакской губы до реки Онеги» (1895, 1896).

Понятно, что до 1917 года в южную часть Карелии из завоёванного Российской империей в 1809 году Великого княжества Финляндского свободно проникала давно уже заводская небольшая рыжая остроушка. На своей родине она интересовала охотников по перу и получила название **финская птичья лайка**. Эта порода велась в чистоте культурными и грамотными финнами с начала XIX века – практически со времени присоединения к России (Евреинов, 1996). В Карелии и вокруг неё пришедшая **финская лайка**, конечно же, метизировалась с местными собаками. Несмотря на это, она стойко сохраняла свой прежний тип. И, как увидим ниже, стала основой *советской породы* **финно-карельской лайки** (Войлочников, Войлочникова, 1974).

Карельская и зырянская лайки

Этим *породам* посвящён первый выпуск «Альбома северных собак» А. А. Ширинского-Шихматова (1895). Очевидно, наиболее типичные, по мнению автора альбома, **карельская и зырянская лайки** изображены на его титуле (см. главу 1). А сравнительная их характеристика князем Андреем позволяет видеть облик двух разных лаек более наглядно.

«**Зырянская лайка** легка, борзовата, обладает тонкой мордой и узким черепом. Ухо очень острое, стоячее; посажено близко одно от другого... Череп **карельской лайки**, сравнительно с **зырянской**, – грубый, менее рельефный, более гладкий. Кость толще. Череп **зырянской лайки** нежнее, тоньше и уже; поверхность его изрыта многими бугорками, впадинами и полосами. Прорез глаз у **зырянской лайки** менее кос, чем у **карельской**, а самый глаз несколько меньше.

Основным преобладающим цветом типической **зырянской лайки** следует считать *чёрный с подпалинами*; **карельской** – *серый*. Ноги **зырянской лайки** одеты беднее, чем **карельской**; они суше и тоньше, причём колокда длиннее, чем у **карельской** и вся нога прямее. Грудь уже в объёме, но не спереди, где ширина её не уступит **карельской**... Цвет глаз исключительно коричневый и тёмно-коричневый. Голос у **зырянской лайки** тоньше и звучнее. Характер бега и розыска тоже разнятся в значительной степени. Если ход **зырянской лайки** можно сравнить с броском и скачкой борзой, то бег **карельской** напоминает бег тяжёлой гончей. Зрение, слух и чутьё у **зырянской лайки** развиты лучше, но она более дика, необщительна, менее злобна и вовсе не поддаётся дрессировке».

Карельская лайка. Из: Ширинский-Шихматов, 1895

Корельскую (карельскую) лайку М. Г. Дмитриева-Сулима считала лучшей породой из европейских лаек. Все три «дореволюционные» её описания (приложения 1.3—1.5) несколько по-разному представляют, в общем-то, одну собаку. К сожалению, кинолог П. Ф. Пупышев сделал некую «редакцию» двух неофициальных стандартов. Например, добавил к названию породы слова «промысловая», «зверовая», явно исходящие уже из советской классификации лаек по «специальностям». Читателю это станет понятнее, если он прочитает следующую главу, о лайках Страны советов. Здесь же покажем две фотографии **корельских лаек** из вышеназванного альбома Ширинского-Шихматова.

Не лучшие копии второго изображения использовали советские кинологи. Причём, далеко не, всегда ссылаясь на первоисточник.

***Корельская лайка.** Из: Ширинский-Шихматов, 1895. Подписи копий этой фотографии: Зверовая карельская лайка (Пупышев, 1936). Карельская лайка А. А. Ширинского-Шихматова (Вахрушев, Волков, 1945 – у них копия зеркальная)*

А вот «некинологические» цветные фото **карельской лайки**. Их оставил нам человек опередивший время в коллекции Библиотеки Конгресса – крупнейшей в мире национальной библиотеке США.

Прокудин-Горский Сергей Михайлович. Этюды на Линдозере (лайка). Карелия. 1915 г

Очень краткая характеристика **зырянской лайки**, которую советские кинологи стали называть **коми лайка**, дана Л. П. Сабанеевым ещё в 1892 году (см. выше). Он назвал эту лайку наиболее типичной. А у *первых* лайковедов она обозначена *первой* среди собак, причисленных к *первой* группе. Её тоже относили к лучшим из европейских лаек. Несмотря на то, что «**зырянская лайка** не поддаётся дрессировке и не дрессируется. Охотник приравнивается к ней и идёт её следом. Лайка же с годовалого возраста сама идёт на птицу и зверя по врождённому инстинкту».

На наш взгляд, именно этот показатель примитивности собаки особенно ценен для охотника нашего Севера. В осуществлённой юношеской мечте старшего автора данного рассказа так и представлялась охота с лайкой. Идёшь себе или едешь на смирной лошади в тайге, думаешь о самом разном. Собачка показывается лишь изредка.... Но вот от праздных мыслей тебя отвлекает ожидаемый родной лай – твой верный товарищ зовёт на помощь, чтобы добыть недоступную ему живность, известную уже по тембру голоса лайки.... Жаль, что такой настоящей охоты теперь всё меньше (поговорим об этом отдельно).

Самое раннее расширенное описание признаков породы видим у Н. А. Смирнова (1936). Судя по стилю и форме текста, стандарт «дореволюционный» (приложение 1.6). А фото – опять же, из альбома Ширинского-Шихматова.

Неважные копии этих фотографий с подписями «**Зырянская лайка**» мы можем увидеть и в советских публикациях. В стиле того времени ссылки на их источник чаще отсутствуют....

На двух изображениях из альбома князя-лайковеда мы сохранили виньетки охотника-анималиста А. С. Степанова (тоже скопировали, но на автора сослались).

Зырянская лайка. Из: Ширинский-Шихматов, 1895

Зырянская лайка. Из: Ширинский-Шихматов, 1895

Зырянская лайка. Из: Ширинский-Шихматов, 1895

Река Вычегда. Фото Маркку Хаверинен. Национальный музей Финляндии Музей культур

В объективы фотографов начала 20-го века смотрели **лайки зырян** и в естественной обстановке.

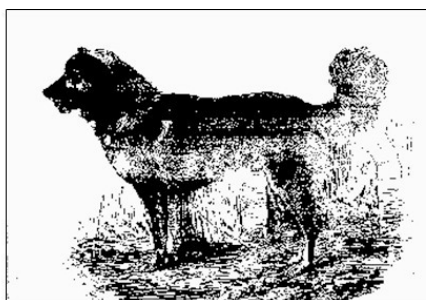
Лесная охота на Печоре. На охоте. Фото Я. Лейцингера. Из: Северный край..., 1914

Черемисская лайка

«Чистый черемисский тип лайки находится в юго-западной части Вятской губернии, в северной части Казанской губернии», – писала М. Г. Дмитриева-Сулима. И ещё: «**Черемисская лайка** – это волк в миниатюре, хвост крючком. Часто встречается пятый палец».

Как мы уже показали, Л. П. Сабанеев называл **черемисскую лайку** медвежьей. Псовистость, массивность и злобность к зверю считал отличительными качествами *породы*.

У Сабанеева мы увидели плохую репродукцию рисунка **черемисской лайки**. В советское время её назовут **марийской лайкой**.

Черемисская лайка. Из: Сабанеев, 1904

Башкирская лайка (собака башкир)

Эта собака показана А. А. Ширинским—Шихматовым на карте распространения северных собак (1895). Видно, *была* и такая порода лаек, но уже знакомый нам фотограф **остроухой собаки башкир** не запечатлел.

Башкирский пёс (Ехья). 1910 г. Фото С. М. Прокудина-Горского из коллекции Библиотеки Конгресса (Вашингтон)

Вотская (вотяцкая лайка)

Вотяцкую или **вотскую лайку** М. Г. Дмитриева-Сулима выделяла среди прочих. Она разводила собак этой породы в своём питомнике, посвятила им не одну статью, в своей книге отвела больше места, чем другим лайкам. Нам же интересны, прежде всего, исчерпывающее описание типичных признаков породы (неофициальный стандарт, для лаек – один из первых), а также фотографии **вотяцких лаек** её завода (Дмитриева-Сулима, 1911).

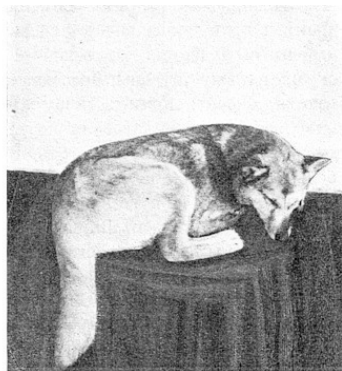
***Вотяцкая лайка «Бутя»** завода М. Г. Дм.-Сулимы. Из: Дмитриева-Сулима, 1911*

«Волчок» – Дм.-Сулимы собственного завода. Из: Дмитриева-Сулима, 1911

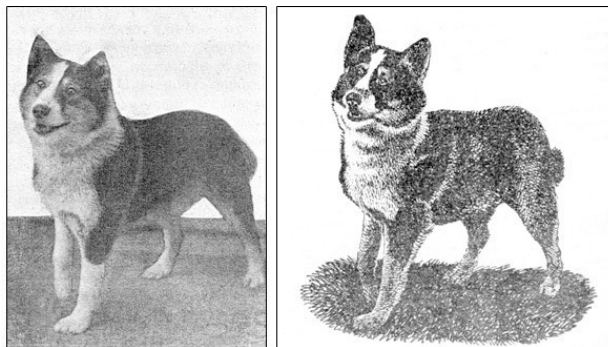
«Бегеш 2-й» завода Дм.-Сулимы, сын «Волчка», внук «Бути». Из: Дмитриева-Сулима, 1911

«Лиска», завода Дм.-Сулимы, правнучка «Волчка», праправнучка «Бути». Из: Дмитриева-Сулима, 1911

Эти четыре фотографии представляют нам в меру однотипных собак. А вот «Вотяк» (см. ниже) при первом взгляде вызывает некоторое недоумение... Исчезающее, впрочем, когда мы сравним его фото с более ранним рисунком из «Охотничьего календаря» Л. П. Сабанеева (1892). Хорошо видно, что рисунок сделан по фотографии Вотяка. Собака здесь вполне в типе изображённых выше. Но попало фото в книгу М. Г. Дмитриевой-Сулимы подправленным – уши собаки как бы обрезаны. Потому-то и смотрится Вотяк на фото не так, как **вотяцкая лайка**.

Описание породы дотошный читатель найдёт в приложении 1.7. Но и фото пяти собак дают немалое представление об этой досоветской лайке, которая «несёт обязанности службы охотничьей, сторожевой и *иногда* пастушеской».

Слева – «Вотяк» завода М. Дм.-Сулимы. Из: Дмитриева-Сулима, 1911. Справа – **Вот-ская (вотяцкая) лайка**. Рисунок из: Сабанеев, 1892

Вогульская лайка

Первенство в публикации кинологических портретов этой *породы* из группы лаек принадлежит Леониду Павловичу Сабанееву.

Вогульская лайка. Гравюра из: Сабанеев, 1892, 1992

Описания этой таёжной собаки популяризатор охоты не дал, надеясь на предстоящий выпуск «Альбома северных собак». Но князь-кинолог ограничился словами: «Эту разновидность породы я считаю наиболее древнею и наиболее чистою; она обладает самым длинным стоячим ухом, которому нет по длине равного ни у одной из других разновидностей лаек, ни у волков и ему родственных видов» и показом своих «вогулов» на выставке

Вогульская лайка Белко князя Ширинского-Шихматова, две золотые медали, Москва, 1898 г. Из: Евреинов, 1996. **Вогульская лайка** Белько, белый кобель, 5 лет 7 мес. Кн. А. А Ширинского-Шихматова. Золотая медаль. Источник: «Альбом юбилейной выставки Императорского Общества размножения охотничьих и промысловых животных и правильной охоты». Москва, 1898 г. Фото Павлова. Из: Гололобов, 2012

Вогульская лайка Белко, принадлежавшая князю, в 1898 году на юбилейной выставке Императорского общества правильной охоты была удостоена двух золотых медалей (Евреинов, 1996) – всего он выставил 27 лаек своего питомника (27 из 35-ти лаек выставки). И фотография знаменитого Белко или Белько (извини, собака, за допущенную кем-то ошибку – Б. Ш., О. Ш.) стала до сих пор неоднократно появляться в публикациях разных авторов. Надо сказать – заслуженно. Вот выдержка из отчёта единоличного судьи по отделу лаек этой выставки Юрия Ивановича Гололобова (2012):

«**І. Лайки вогульские** князя А. А. Ширинского-Шихматова. *Белько*, кобель белый 5 лет 7 мес. По своей типичности, пропорциональному и могучему сложению собака эта бесспорно лучшая из всех выставленных в Отделе охотничьих экземпляров лайки, почему считаю вполне справедливым присудить ей *приз Е. И. В. Великого Князя Александра Михайловича и золотую медаль Общества*».

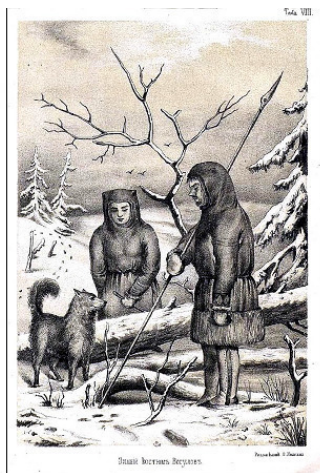
В 1936 году профессор Н. А. Смирнов (1936) писал, что экстерьер **вогульской лайки** был изучен 30—40 лет назад А. А. Ширинским-Шихматовым. Тогда она обитала на восточных склонах Урала вплоть до р. Оби, между 59° и 65° северной широты. К сожалению уважаемый Н. А. Смирнов приводит её описание, изменённое в советское время. А «дореволюционной» характеристики мы не нашли – только упоминания и изображения. Восполним при описании советских лаек.

Кроме кинологов на **лайку вогулов** обращали внимание путешественники, этнографы...

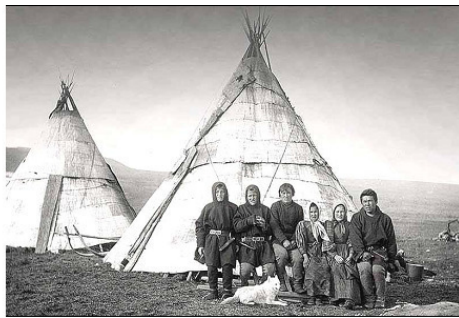
Самое раннее (до фотографий у кинологов) изображение этой северной собаки мы нашли у Н. М. Малиева. И ещё на двух старых фото, где вогульские лайки снимаются на фото вместе с их владельцами – вогулами (манси).

Два рыбака со снастями. Манси (вогулы). Фотоархив Российского этнографического музея (С.–Петербург)

Зимний костюм вогулов. Рис. на камне Э. Ивонсона. Из: Малиев, 1872

Манси, деревня Усть-Улс, Чердынский уезд Пермской губернии, начало XX века. Фото-архив Российского этнографического музея (С.–Петербург)

Остяцкая лайка

Хорошие слова о ней мы приводили выше (см. «**берёзовско-сургутская лайка**»). «Южное распространение 60 с. шир. На восток – течение реки Оби. На запад – р. Енисей. На север 65 с. шир.; по течению рр. Оби и Енисей, доходит до полярного круга», – указал А. А. Ширинский—Шихматов.

Старый стандарт *породы* цитируем из работы Н. А. Смирнова (1936). Похоже, что он досоветский (приложение 1.8). Увидим ниже, что и в советское довоенное время **остяцкая лайка** здравствовала и изучалась.

Первая «экстерьерная» фотография этой таёжной лайки – соседки **вогульской** также не раз повторялась плохими копиями в работах советских кинологов (Пупышев, 1936; Вахрушев, Волков, 1945...). Повторяется она и в наше время.

Остяцкая лайка Прелесть, серая сука, 1 год 4 мес, кн. А. А. Ширинского-Шихматова. Большая серебряная медаль. Источник: «Альбом юбилейной выставки Императорского Общества размножения охотничьих и промысловых животных и правильной охоты». Москва, 1898 г. Фото Павлова. Из: Гололобов, 2012

Летняя берестяная юрта. Из: Швецов, 1888

Собак остяков в родной среде снимали этнографы.

Охотник из села Ларьяк Сургутского уезда. 1912 год. Фото Г. Дмитриева-Садовникова из: Белобородов, 2004

Каменный песок, рыболовный поселок на р. Оби, ниже Обдорска. Направо – избы рыбаков-рабочих, налево – чумы остяков, владельцев песка. 1909—1910гг. Фото из: Дунин-Горкавич, 1911

Пусть на этих фотографиях собаки не так выразительны, зато видно, что их содержали на воле, беспривязно...

Сойотская лайка

О **сойотской лайке** – только упоминания как о *породе*. Попробуем ниже проследить её уже в советской Туве, когда она станет **тувинской** (сойотов около 1930 года стали называть тувинцами).

Тунгузская лайка

Последняя из типично таёжных лаек в нашем перечне от Ширинского-Шихматова. Сложно с ней разобраться, но попытаемся.

Сложность вот в чём. Тунгузами или тунгусами в то время называли теперешних эвенков. Но не все. Встречаем также в литературе под именем тунгусов всех тунгусо-маньчжуров: эвенков, эвенов (прежних ламутов), нанайцев (гольдов), удэгейцев (гольдов), орочей, ороков, ульчей. Так что для того, чтобы понять этническую принадлежность **тунгусской лайки**, описанной тем или иным автором, нужно знать географию исследований. А также географию указанных народов.

Тунгусы (которые теперь «эвенки») живут на обширных пространствах Средней Сибири и далее в Восточной Сибири между Якутией и Амуром до Охотского моря (Атлас СССР, 1962). Но раньше их встречали и севернее нынешнего восточного распространения. В частности, в Якутии, на Колыме... Очевидно, именно эти непревзойдённые бродячие таёжные охотники на оленях (олени для передвижений, вьючно-верховые) владели той лайкой, охотничьими качествами, которой восхищался не один исследователь Сибири.

Из монографии М. Г. Дмитриевой-Сулимы известно, что в пятидесятых годах XIX века бассейн р. Вилюй исследовал академик Маак (1877). Он впервые описал эту *породу* и был владельцем её представителя – кобелька по кличке Оллера (по-якутски «Мальчик»): «великолепная, чистокровная собака, ... купил у тунгуза за довольно большую сумму».

«У них (тунгузов) я встречал собаку весьма типичной формы и очень распространённой по Сибири, а именно лисоподобной.

Она небольшого роста, с острою мордою, живого характера и бывает всевозможных цветов. Не только по форме, но часто и по цвету эти собаки имеют поразительное сходство с лисицею, так как между ними нередко встречаются особи с шерстью светло- и тёмно-рыжего цвета. Страсть к охоте у них так велика, что, напав на свежий след охотничьего зверя, они увлекаются до такой степени, что убегают от хозяина на несколько десятков вёрст и часто даже не возвращаются к нему».

Вполне достаточно лаечнику для того, чтобы видеть законченный образ **тунгусской лайки**. И в такую, казалось бы, невероятную вязкость собаки можно поверить. Особенно, если учесть совершенство тунгуса как следопыта. Как бы далеко не задержал зверя более активный партнёр из этой охотничьей пары, тунгус (да и нынешний эвенк) придёт на помощь пешком или на олене (лошади), по снегу и чёрнотропу. С уважаемым учёным Мааком не согласимся только в том, что эти лайки «часто даже не возвращаются». Не согласна здесь и М. Г. Дмитриева-Сулима: «Но никогда не бывает, чтобы собака совсем покидала хозяина».

При описании **колымской лайки** мы уже цитировали В. И. Иохельсона (1898), который отметил среди лаек Колымского округа такую же **тунгусскую лайку**. Тоже малорослую, с удлинённой остроносою мордой, почти не отличимую от лисиц (только зрачки глаз круглые).

М. Г. Дмитриева-Сулима отводит «*лисоподобной лайке – старинному коренному типу тунгусской собаки*» исключительное место среди прочих лаек: «...тунгузы... разводят и берут *универсальную, идеальную лайку*, с которой, помимо всего прочего, охотятся и на горных баранов и на птицу, а из последних на диких гусей особым способом, с особо разводимыми красными собаками».

Читая и пытаясь анализировать труды первых «интеллигентных» исследователей Сибири, приходишь к выводу, что лисоподобная **тунгусская лайка** вместе со своим напарником суперохотником тунгусом обитали практически по всей восточносибирской тайге. Их бродячий охотничий образ жизни, конечно же, способствовал совершенству всех «лаечьих» качеств собаки. Но при этом была угроза для породы в целом. Опасность, к сожалению,

реализовалась в начале 20-го века. Рассредоточенность породы на огромном пространстве, где жили и другие народы со своими лайками, не могла не сказаться при появлении разного рода «преимуществ» в жизни людей нашего Севера. Пусть даже большая, но мелкоочаговая популяция в принципе зыбкая. И **тунгусская лайка** не устояла.

Впрочем, где-то в конце шестидесятых у нашего камчатского друга Мирона Балука, трудяги-геолога и заядлого медвежатника (несколько неудобного в общении из-за порядочности и принципиальности) была маленькая лаечка – «вылитая» чёрнобурка. Да ещё и такая же сообразительная, самостоятельная и страстная охотница, как **тунгусская лайка**. Нормой бывало её длительное отсутствие в лагере. Нередко она возвращалась с добычей (заяц, куропатка...), которую выкладывала на тропе перед палаткой Мирона. Откуда взялась эта собачка, не знаем.

Рыжая лисоподобная лайка Алиса была и у геологов самой северной в Корякии Пенжинской экспедиции. Жители уже не существующего посёлка Пенжино, включая геологов (всё же, естествоиспытатели!) были убеждены в том, что Алису «нагуляла» в тундре с лисовином её мама – **корякская лайка**. Одним из подтверждений этого тундрового романа служили частые прогулки Алисы и её матери в окрестностях посёлка. Домой, бывало, они приносили куропаток.

Не удивимся же геологам-природолюбам! Если профессионал, кандидат ветеринарных наук И. Е. Изралиевич всего-навсего лет 15 назад до упомянутых случаев писал буквально следующее:

«Оспаривается до сих пор возможность получения помесей от собаки и лисицы. Между тем, *проф.* А. Н. Макаревский сообщает, что он лично видел лисособак, выведенных ветеринарным врачом Н. М. Максимовым-Марковым путём искусственного осеменения своей суки сеттера семенем, добытым из яичка убитого самца лисицы. Помеси эти, как и помеси собаки с волком и шакалом, оказались способными к размножению. Опубликованы и другие данные, подтверждающие возможность скрещивания собаки с лисицей. По опубликованным данным, помесь между рыжей лисицей и шпицем получена была в Мюнхенском геологическом саду. Помесь местной лисицы и домашней собаки описал также проф. Криг, наблюдавший это во время экспедиции в Южной Америке, и т. д.» (Изралиевич, 1994). Любопытно, но мы то с Вами, уважаемый читатель, конечно же, понимаем, что этого не может быть, «потому что не может быть никогда».

«Кинологических» фотографий *небольшой лисоподобной* собаки нигде не видно. А на снимках от землепроходцев Российской империи присутствуют иные **лайки**, как у бродячих, так и оседлых **тунгусов**.

Тунгус на промысле. Из: Материалы Баргузинской экспедиции Г. Г. Doppельмайра 1914—1915 гг., 1926

Тунгусы отправляются белковать, п. Сосновка. Материалы Баргузинской экспедиции Г. Г. Doppельмайра 1914—1915 гг., 1926

Охотник-эвенк из Катангского района Иркутской области. Предположительно начало XX века. Из архивов эксперта-кинолога Н. А. Кружкова

Случайность ли, но **тунгусские лайки**, которые смотрят на нас из далёкого прошлого, демонстрируют здесь свою породность, достаточную однотипность, гармоничность сложения и преобладание карамистых окрасов. А их владельцы, позируя фотографам, выставляют своих сотоварищей по жизни и промыслам на передний план...

Якутская лайка

В своей большой работе (первый том – около 700 стр.) о якутах В. Л. Серошевский (1896) посвятил собакам совсем немного – страниц пять. Очевидно, он не был ни охотником, ни кинологом.

Всё же заметил: «Охота за лисицами составляла всегда видное место в якутском промысле. У них до сих пор сохранилась, ими только практикуемая здесь, охота на лисиц верхом на лошади с собаками, очевидно, вывезенная из дальних степей».

Понятно, что у якутов-лошадников и тунгусов, бродивших на оленях, собаки были разные. Но некинолог В. Л. Серошевский этой разницы не видел. Он отождествлял **якутскую** «сторожевую и промысловую» собаку с **тунгусской лайкой**. За что и критиковался М. Г. Дмитриевой—Сулимой: **Якутская** же «промысловая и сторожевая» собака имеет одинакового с **тунгусской** только общие типические черты для всех лаек и резко отличается в деталях, в правах и качествах... Преимущественная масть – чёрная у **якутской собаки**,

она шире, коренастее, массивнее и тяжелее **тунгусской собаки**. Отличается более толстой мордой, мохнатой и грубой шерстью...».

Нет сомнения, что северные якуты имели свою *породу* лаек. Ведь заселяя бассейн Лены, эти лошадаики продвинулись в тундру и лесотундру – территорию непригодную для коневодства. Там нужда заставила их перейти к занятиям, традиционным для этих ландшафтов – охоте и оленеводству. А навыки нового хозяйствования и жизненно необходимых здесь собак якуты заимствовали у аборигенов.

Якутский охотник с лайкой. Из якутского журнала «Байанай»

Снаряжение и вооружение бравого промысловика позволяет предположить, что фотографировались партнёры-охотники где-то в начале прошлого века. Приблизительно тогда, когда этнографы американской экспедиции снимали якутов и их лаек.

Кинологи того времени изображений **якутских лаек** нам не оставили. Но и фото этнографов представили их не так уж плохо...

Группа якутов возле зимнего жилища, 1902. Из фотографий Северо-Тихоокеанской этнографической экспедиции Джесупа 1897—1902 гг. (Американский музей естественной истории – AMNH, Нью-Йорк)

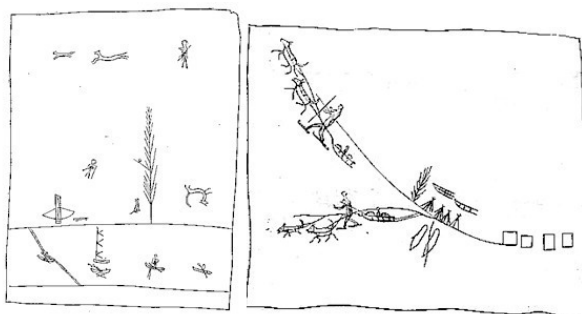
Юкагирская лайка

О прошлой жизни юкагиров и их собак интересно и вполне исчерпывающе написал историк и этнограф Владиллен Александрович Туголуков (1979; рекомендуем для любии-

телей упряжного собаководства). Сейчас представителей этого очень древнего и загадочного народа Северо-Восточной Азии осталось очень мало (около тысячи человек). Юкагиры, ранее обитавшие на Яне, Индигирке, Алазее, Колыме, Омолоне и Анадыре, к нашему времени почти полностью ассимилировались. Вначале тунгусами (эвенками), затем ламутами (эвенками), якутами и русскими. Тем не менее, **юкагирская лайка** как аборигенная *порода* существовала и в советское время (покажем ниже).

Бродячие тундровые и таёжные юкагиры в собаках не очень нуждались (разве что для разных видов охот). Они, как и тунгусы, использовали оленей. Их оленеводство также имело транспортный, а не «мясо-шкурный» характер (как, например, у ненцев или чукчей). В то же время, жители побережий крупных рек – оседлые собаководы – не смогли бы жить в этих суровейших краях без своего единственного домашнего животного. С лайками они охотились по весеннему насту на лосей и диких оленей, зимой – на белку, горностая, песца и лисицу (последних собаки ловили). Летом – промышляли линных гусей. Добывали с лайками и белого медведя. Русские служилые люди, пришедшие к юкагирам ещё в XVII столетии, увидели их лаек в упряжках. Даже р. Индигирку в ту пору часто называли «Собачья». А в XIX и начале XX вв. обилие собачьих упряжек в «стране юкагиров» поражало путешественников.

Вполне наглядно и исчерпывающе работу своих лаек изображали сами юкагиры в рисунчатых письмах на берёсте – тосах. Покажем только два из них.

Сцены рыболовства и охоты в летнее время. Выход юкагиров на весеннюю охоту по насту. Тосы. Конец XIX в. Из: Туголуков, 1979 – заимствовано у В. И. Иохельсона, 2005

Группа колымских юкагиров, кочующих на собачьих нартах. Из: Иохельсон, 2005

С наступлением XX века всё меньше оставалось оснований называть местных **собак юкагирскими** – основным носителем упряжного собаководства становились русские старожилы. Они вытеснили юкагиров, заменили их примитивную нарту и технику езды более совершенными. Собакам же лучше стали подходить такие «неэтнические» названия как

полярные, янские, индигирские, колымские лайки. «Растворились» юкагиры в других, более жизнестойких народах – эту судьбу разделили и их лайки.

Как же выглядели собаки юкагиров?

Хорошие изображения великолепных звероватых **юкагирских лаек** конца позапрошлого столетия оставил нам выдающийся этнограф Владимир Ильич Иохельсон.

***Юкагирская собака.** Из фотографий Северо-Тихоокеанской этнографической экспедиции Джесупа 1897—1902 гг. (Американский музей естественной истории – AMNH, Нью-Йорк)*

Юрта, покрытая шкурами, в верховье р. Колыма. Фото г-жи Иохельсон и В. И. Иохельсона. Из: Иохельсон, 2005

Коряцкая лайка

Или **корякская**, как подписала её фото М. Г. Дмитриева-Сулима (1911).

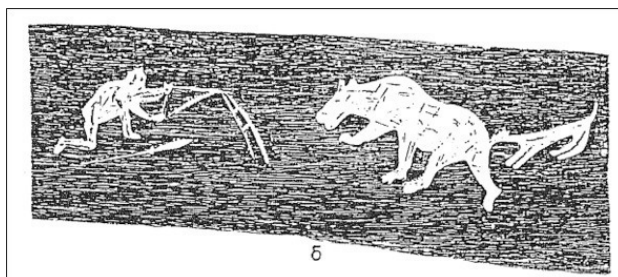
Корякская из Камчатки. «Пятно» М. Г. Дм.-Сулимы. Из: Дмитриева-Сулима, 1911

Земли коряков – в основном, северная часть Камчатки. Н. В. Слюнин (1900), наблюдая собак Камчатки, как мы уже говорили, **корякскую лайку** считал отличной от **ламутской**: «шерсть пушиста и часто очень коротка, морда длиннее, но шире, чем у **ламутской**, движения медленны. Она хорошо знает своего хозяина и никогда не станет ласкаться к постороннему, как **ездовая** или **ламутская**».

Судя по всему, доктором Слюниным описана *порода* лаек кочевых, оленных коряков (самоназвание – чауты), которые изображены на старинной гравюре. Они были в большей степени охотниками, чем оседлые коряки. Соответственно их собаки слыли хорошими партнёрами охотников-оленоводоов. Незря кто-то из них показал резьбой по дереву правильную работу своей лайки по медведю.

Коряки у юрты. Гравюра 1895 г.

Кроильная доска с рисунком (длина 60 см). Из: Иохельсон, 1997

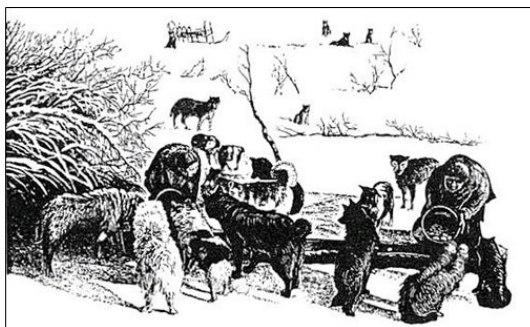
Интересно, что сошки стрелка и теперь используются тундровиками; как и копъё, которое очень удобно в ночных дежурствах.

Несомненно, что «сидячие», береговые коряки (нымылланы) тоже без собак жить не могли. И если люди по-иному себя называли, по-своему хозяйствовали, то и собаки их были отличными от оленных. Нымылланам нужно было возить рыбу, хворост, ездить в гости... Легко предположить, что их лаек Н. В. Слюнин называл просто ездовыми: «Мало отличающаяся от волка **ездовая собака** признана единогласно всеми путешественниками и исследователями происходящей от волка, и даже слывающая за прирученного волка».

Так же называл собак «сидячих» коряков В. И. Иохельсон (1997). Описывая их собаководство, исследователь даёт краткую характеристику **лайки коряков**; при этом относит её к единой породе **ездовых собак**: «Современные **ездовые собаки** (как Сибири, так и Северной Америки) принадлежат к одной и той же породе волкообразных домашних собак... Собаку в общем трудно было бы отличить от полярного волка, если бы не её малый рост (средний рост собаки у передних ног 50 – 75 см) и более разнообразная окраска. Хотя процент собак однотонного светло- и тёмно-серого цвета (аналогичный полярному волку) значителен, часто встречаются белые и чёрные животные; особенно же много пёстрых собак с белыми или чёрными пятнами на ногах, груди и боках».

Таким образом, мы видим, что разные ландшафты обитания, следовательно, и хозяйствования, приводили к тому, что люди одного народа имели разных собак. Оленные коряки – из группы тундровых лаек, оседлые – из группы береговых лаек (см. выше нашу классификацию).

Путешественник, этнограф и фотограф доктор Иохельсон запечатлел береговых лаек оседлых (береговых) **коряков**.

Кормление собак. Из: Иохельсон, 1997

Жилища коряков Фото 1900—1901гг. из: Jochelson, 1908

Что же касается версии В. И. Иохельсона о принадлежности береговых (ездовых) лаек всех северных народов к одной породе, то здесь имеет место несколько поверхностный взгляд учёного, который не был лайководом. Его больше интересовала этнография собаководства, как часть прикладной культуры северных народов.

Да, собаки жителей побережий северных морей и крупных рек сходны – не зря же выделены в отдельную группу береговых лаек. Но и отличны настолько, что, как мы знаем, позволяет даже современным кинологам говорить здесь о нескольких породах.

Так что правильно было бы сказать, что коряки обладали двумя *породами* лаек: **чаутская** – у оленных коряков (чаутов) и **нымылланская** – у «сидячих» коряков (нымыллан).

Добавим, что потребность оседлых коряков в собаках была значительной. Этнограф В. В. Антропова (1971), ссылаясь на В. И. Иохельсона, сообщала, что в начале XX века в 79 обследованных хозяйствах коряков Пенжинской губы имелась 781 собака, т. е. в среднем по 10 собак (полноценная упряжка) на хозяйство.

Камчадалская лайка

О **собаках камчадалов (ительменов)** известно со времён открытия Камчатки, то бишь – завоевания. Данная глава как раз и начата первым непрофессиональным описанием этой *породы* лаек. Там же мы показали, как нещадно эксплуатировались командором Берингом камчадалы и их незаменимые помощники.

В 1737 – 1741 годах Камчатку практически в одиночку изучал студент Академического отряда Второй Камчатской экспедиции Степан Крашенинников. Отличаясь исключительным трудолюбием, мужеством, исполнительностью, он составил подробное и точное описание всего, что видел на экзотическом полуострове. А видел наблюдательный студент много, так как не ленился исходить и изъездить (нередко на собаках) немалые пространства этой земли. Монография Степана Петровича, первого русского академика-географа «Описание Земли Камчатки» (1755) интересна до сих пор. И нам тоже, поскольку она очень детально отвечает на вопросы: «Каковы их собаки, что к езде на них требуется и как на них ездят?». Правда, о породе – очень уж ёмко: «**Камчатские собаки** от наших дворовых простых собак ничем не разнствуют, ростом они по большей части средние, и шерсть так как наши различная, однако ж, можно вообще сказать, что там белых, чёрных и серых больше, нежели других шерстей». Зато академик одним из первых опубликовал гравюру с изображением **камчадалских лаек**.

Гравюра «Езда на собаках с бродовщиком, который дорогу показывает». Крашенинников, 1755

К подписи гравюры добавим, что бродовщик не только «дорогу показывает», но и прокладывает её снегоступами в случаях рыхлого снежного покрова (что важнее).

Здесь также уместно заметить, что с изображениями досоветских лаек вообще очень непросто. Рисунки и гравюры европейских исследователей Сибири и Дальнего Востока нам малоинтересны. Собаки на них, как правило, похожи на тех, которых авторы видели у себя дома, обычно вислоухие... Исключения редки. Например, у Крашенинникова. Он точен, использовал информативные иллюстрации – видно даже, что тогда собакам нередко купировали хвосты.

В 2010 году Крашенинников переиздан в очень презентабельном виде. Добавлено много иллюстраций, в том числе красочных. Среди них – репродукции нескольких старинных гравюр, к сожалению, часто без ссылки на автора или источник. Приведена, например, интересная нам гравюра по рисунку Уэббера, художника экспедиции Кука. И нарта ещё камчадалская, а не восточносибирская, и собаки вполне реалистичны (с учётом манеры изображения того времени).

Камчатский путешественник зимой. Гравюра на меди по рисунку Джона Уэббера. 25,5х38,2 см, 1788 г. Камчадал управляющий собачьей упряжкой. Гравюра 1785 г. (Вторая подпись из: Крашенинников, 2010)

Года через три после Крашенинникова, в 1740-м, на Камчатку прибыл учёный сподвижник Беринга Георг Вильгельм Стеллер. Он тоже уделил лайке камчадалов толику внимания: «Из прирученных камчатских животных как по давности прирученности, так и по приносимой пользе первое место должно быть отведено собакам, которые одни только и составляют целый особый класс камчатских ручных животных. Никто не может обойтись без них подобно тому, как в других местах никто не сможет жить без лошадей и крупного рогатого скота. На Камчатке существует, собственно, *только один вид собак*, ничем, впрочем, не отличающийся от русских деревенских дворняг или *черемисских и вотяцких псов* как по росту, так и по внешнему виду; между тем трудные условия их жизни, принимаемая ими пища и характер их воспитания совершенно изменили их привычки. *Камчатские собаки* бывают преимущественно троякого цвета – белого, черного и волчье-серого, при этом они очень толсты и обладают длиною шерстью. Питаются они исключительно рыбою. С весны и вплоть до поздней осени люди о них нисколько не заботятся, и они свободно бродят всюду, подстерегая на реках по целым дням рыбу, которую они умеют ловить очень проворно и ловко» (Steller, 1774; 1999).

Описание не слишком пространное. Но вывод естествоиспытателя о том, что «существует, собственно, только один вид собак», да ещё схожих на *черемисских и вотяцких лаек*, однозначно свидетельствует о благосостоянии породы *камчадалская лайка* в ту пору.

Что ж, вполне объяснимо и актуально сейчас...

Интересно Стеллер пишет о содержании **собак камчадалов**, кормлении, использовании.... При этом «проскальзывают» их породные признаки, которые использовались аборигенными селекционерами: «Чем длиннее у собак шерсть, тем дороже они ценятся. Те псы, у которых стройные ноги, длинные уши, острые морды, широкая спина, расширяющиеся книзу лапы и отличаются живостью характера, с раннего возраста намечаются и воспитываются для езды».

А *разностороннее применение* недюжинных способностей **камчадальской лайки** подтверждается следующей цитатой: «Тех собак, которые жители дрессируют для охоты на зайцев, лисиц, северных оленей, соболей и каменных баранов, часто кормят имеющимися в изобилии воронами; от этого псы приучаются к их запаху и начинают гоняться за всякою птицею и дичью. С помощью таких собак в июле сгоняют уток, гусей и лебедей, когда у тех начинают выпадать перья, на большие озера в значительном количестве». Услугами **лаек камчадалов** на охоте пользовались не так уж редкие гости привлекательного края, что подтверждает гравюра, литографированная с акварели барона Киттлица, участника кругосветного путешествия Флота Капитана Фёдора Литке.

Гравюра «Камчатские охотники» литографированная с акварели барона Киттлица. Из: Путешествие..., 1834 – 1836

Барон фон Киттлиц, комментируя своё же произведение об «охотниках на главной дороге полуострова в начале августа», говорит: «Всякий путешественник в этом краю одновременно и охотник – обитатель Камчатки никогда не уйдет из дому без охотничьего ружья».

Сюжет гравюры правдив, почти один к одному напоминает один из геологических маршрутов старшего автора нашего разговора о лайках. Как-то ему пришлось весь день, не видя солнца, пробираться зарослями травы-шеломайника, что выше всадника (как на гравюре). Встречи с медведем на их тропах, которые путник старается использовать, опасны. Хорошо, когда впереди идёт лайка. Тогда это был наш Узон (**западносибирская лайка**). Он постоянно чувствовал недалёкое присутствие чёрного зверя. Был момент, когда столкнулись с медведем. Увидели его в прыжке – но почти над собакой он резко ушёл в сторону... В таких местах лайка, которая не боится медведя, крайне необходима, особенно, когда втягиваешься в ночь – применить оружие не удастся.

С лёгкой руки естествоиспытателей Крашенинникова и Стеллера **собаки камчадалов (камчадальские или ительменские лайки)** стали известными далеко за пределами полуострова, даже в цивилизованной и уже «кинологической» зарубежной Европе. Вот как пишет о них российский учёный, немец по происхождению Густав Теодор Паули в своём

труде «Этнографическое описание народов России», рассчитанном в основном на западного читателя (Pauly, 1862).

«Разведение собак развито у камчадалов в невероятных размерах и занимает в их жизни существенно большее место, чем содержание коров и лошадей, для которых эти места более благоприятны, чем в Якутии. **Собаки камчадалов** привыкли ко всем дорожным трудностям и легко взбираются в любую гору. От природы эти собаки мало отличаются от собак русских крестьян, но камчадалы совершенно иначе их содержат, используют, дрессируют. Эти собаки известны как самые быстрые во всей Сибири, они настолько горячи, что часто вывихивают конечности, и с таким напряжением бегут в упряжке, что на шерсти выступает пот и кровь... Сила их невероятна: четыре собаки могут везти трех человек со всей поклажей 30—40 верст по плохой дороге и до 80 по хорошей».

Конечно же, «некинолог» Паули лучше знал лошадей, поэтому «перенёс» на лаек такие неприятности с конечностями, кровью и потом на шерсти. Вывихи у северных собак в дороге крайне редки. И не ведал этнограф, что собаки не потеют кожей, а излишняя влага уходит из них при перегреве через рот и высунутый язык. Это лошади бывают «в мыле», но не лайки.

Камчадал. Из: Pauly, 1862

Цветной рисунок от Паули с точностью передаёт одежду камчадала, и мы вправе рассчитывать на достаточную объективность в изображении его лаек. Похоже, что художник старался изобразить здесь тигровость в окрасе темносерой собаки. Как и уже знакомый нам (см. начало главы) художник Немировский на рисунке старшем почти на 20 лет, чем у Паули.

Камчатские собаки. Рисунок Леопольда Немировского 1844—1845гг.

Тигровость же, по мнению практически всех кинологов, – дисквалифицирующий порок для лаек всех пород. И мы сами указали на это при подготовке официального стандарта породы **камчатская лайка** (переименованной при его принятии на **камчатскую ездовую**).

Но вот что любопытно.... Когда в начале 90-х годов мы обследовали **камчатских и чукотских лаек**, то именно в самых глухих местах (где трудно встретить собаку культурной породы с типичным тигровым окрасом), попадались собаки с совершенными статьями лаек, но более или менее тигровые. Они, естественно, получали оценку «вне породы». Тигровым окрасом обладал и знаменитый семилетний передовик самой быстрой и выносливой упряжки **чукотских лаек** на гонках «Берингия – 91» (1980 км). Передовик Чэаро принадлежал Владимиру Радивиллову – победителю гонок «Берингия -92» (2040 км), охотнику и заводчику **чукотских лаек** в селе Алькатваам, очень интересному человеку. Помнится, что кто-то из детей Чэаро попал в Москву....

Такой вот совершенно открытый вопрос о тигровости лаек... Что это? Может, атавизм примитивных пород – лаек? Как у ламутских лошадей на Камчатке – их частичная тигровость довольно обычна. Хорошо бы узнать мнение учёных зоологов....

В 1863 году опять выходит немецкая «Жизнь животных Брэма». Если точен перевод в русском издании 1904 года, то явствует, что Альфред Эмунд Брэм, цитируя Г. Стеллера, **камчатских собак** относит уже к *лайкам*.

А в Иллюстрированной энциклопедии народов России (1877; всего-то 15 лет от издания Паули) **лайки камчадала** изображены художником уже современнее, хотя и с неприсущими им переразвитыми надбровными дугами.

Камчадал. Из: Иллюстрированная энциклопедия народов России, 1877

Таковыми видели лаек полуострова художники того времени, но фотографии, которые появляются лишь к завершению XIX века, объективнее.

Летом 1900 г. на Камчатку совершил путешествие последний из знатного рода Демидовых. Это был неудовлетворённый предыдущими экспедициями охотник за крупным редким зверем Елим Павлович Демидов. Итогом этой поездки стала книга Е. П. Демидова и принца Сан-Донато «A shooting trip to Kamchatka...» (1904). Эти участники камчатских охот не могли пройти мимо собак – основного домашнего животного полуострова и оставили нам шесть фотографий, где присутствуют **лайки Камчатки** того времени. О них нужно писать специально и много, но одну замечательную **камчатскую лайку** Е. П. Демидова всё же покажем.

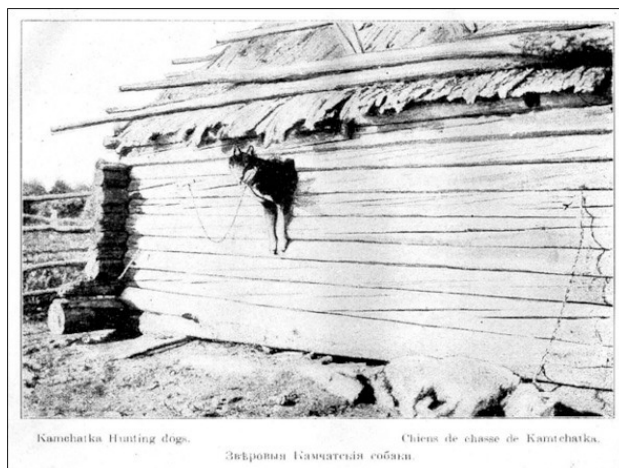
THE AUTHOR'S DOG, «КАМ» (Собака автора, «Кам»). Из: A shooting trip to Kamchatka..., 1904

Весьма породная **камчадалская лайка** – на снимке А. П. Сильницкого. Охотник из колонистов радо позирует со знатным ловцом соболя, к тому же и тягловым помощником (на собаке одет алык).

Камчатский охотник с лыжами, подбитыми нерпичьей шкурой, и соболевой собакой, стоящей 200 руб., 1901 г. Репродукция фотографии А. П. Сильницкого хранится в фотофонде Дальневосточной государственной научной библиотеки

О том, что собаки аборигенов Камчатки трудились не только в нарте, говорит фото 15-ти летнего охотника Жоржа Крамаренко. В 1918 году (на год позже рассматриваемого здесь периода) отец взял сыновей в поездку на полуостров по делам рыбного бизнеса. Жорж вёл дневник своих охот на медведей и снежных баранов, который с приложением его фотографий был опубликован. Вот его фотозагадка: каким образом одна из этих лаек, будучи на привязи, забралась в это окошко? Наверное, лайки способны и на невозможное. Об этом ещё один, весёлый снимок Жоржа.

Зверовые камчатские собаки. Из: Крамаренко, до 1922 г.

У консервного завода. Из: Крамаренко, до 1922 г.

Всё же, как-то мало внимания названные и последующее наблюдатели **камчадалских лаек** (да и других) обращали на их внешность, породные признаки. Везде и много написано о способах и технике езды, о разных конструкциях саней и т. п. Обо всём, что связано с собаками, но только не о них... Видно, в краях людей и собак – там, где собаки такая же жизненно необходимая обыденность как воздух или вода – их особо не замечаешь. А жить без собак камчадалы действительно не могли. В основном, это были оседлые рыбаки, следовательно – собаководы. Так же как и их соседи – береговые коряки-нымылланы. Очень схожие традиционные хозяйства и тех и других требовали практически одинакового использования собак, преимущественно для езды и перевозки грузов. Соответственно, при стихийном отборе собак камчадалы и нымылланы использовали схожие признаки их породности. Да и прикладная культура, включающая собаководство, как и культура вообще, имеет свойство взаимопроникновения. В результате – к приезду исследователей **лайки камчадалов и нымылланов** выглядели почти одинаково.

Камчатская почта на собаках, XIX век. Фото с иллюстрации, хранящейся в Центральном музее связи им. А. Попова

Так что **камчадалским лайкам** также вполне подходило общее описание ездовых собак данное В. И. Йохельсоном (см. выше о **коряцкой лайке**). И не потому ли уже в то время всё чаще стали говорить о *местной камчатской лайке*, а не *аборигенной камчадалской*. Тем более что уже полным ходом шли ассимиляция камчадалов и пользование их собаками пришлым из России людям – этническая привязка породы исчезала.

Наверное, читателю интересно узнать (или вспомнить) о любимой собаке Александра III Александровича Романова (1845—1894).

Император Александр III с семьей в Собственном садике Большого Гатчинского дворца

Государь не являлся исключением из «великих», тоже был охотником и располагал образцовой псарней. Но среди всех собак и людей (о чём – ниже) особой любовью Александра пользовалась именно **камчатская лайка** белого с подпалинами окраса, которую так и звали – Камчатка. Это был подарок матросов крейсера «Африка», в 1883 году вернувшихся из похода на Дальний Восток, где они посещали Камчатский полуостров (Пискунов, 2008 и др.).

Лайка Камчатка стала любимицей в семье царя (что видно на доступных фотографиях), а сам Александр насколько мог с ней не расставался, причём ночевала собака в его спальне.

Ксения Александровна с молодым Камчаткой

И надо же, умный и верный пёс погиб в 1888 году при крушении государственного поезда под Харьковом. Александр же и его близкие чудом выжили. Не мистика ли... В Украине (где следовал поезд) существует поверье о том, что собаки болеют и умирают вместо своих хозяев. Так поступил и пёс Камчатка, лежавший в вагоне у ног государя. Над могилой друга Александра III в Гатчине под окнами царской спальни поставили обелиск «Камчатка. 30.06.1883 – 7.10.1888». Государь признавался: «Разве из людей у меня есть хоть один бескорыстный друг; нет и быть не может, а пес может, и Камчатка был такой».

Обелиск «Камчатка. 30.06.1883 – 7.10.1888» в Гатчине

И ещё. Александр III получил народное прозвище Миротворец, так как не вёл ни одной войны. Кто знает, может этому способствовала его привязанность к **камчатской лайке**...

Отметим именно здесь – царский гранитный памятник собаке-другу уверенно развенчивает расхожее представление о том, что аборигенные лайки береговых жителей годятся только для тяжёлой работы в упряжке, что диковаты, не контактны с человеком, не могут жить в доме... Обелиск этот долго и хорошо будет напоминать: лайки способны на очень многое. И, отнюдь, не являются здесь исключением аборигенные собаки народов нашего Севера.

Чукская (чукотская) лайка

Эта *порода* в альбоме князя Андрея Ширинского-Шихматова (1985) упоминается как **чукская** (а не **чукотская**) лайка на карте распространения северных собак. Именно так – «**чукская**». Князь, видно, хотел подчеркнуть её принадлежность чукчам, а не всем народам Чукотки.

Если следовать современным правилам грамматики, то **собаку чукчей** следовало бы называть «**чукчанская**», но не «**чукотская**». На Чукотке жили (и живут) из народов Севера и чукчи, и эскимосы, и тунгусы (ламуты, эвены), и якуты... И все они владели разными лайками, подобно тому, как это было в Колымском округе (см. выше). Так что название «**чукот-**

ская лайка» следует использовать в смысле «**лайки Чукотки**» или «местная порода». Видно, так его и применяли исследователи в начале XX века.

Старинными изображениями и описаниями **чукотские лайки**, по сравнению с **собаками Камчатки**, заметно обделены. Чукотка в далёком прошлом была менее доступной и не такой привлекательной для иностранных гостей. И на гравюрах того времени собаки не часто присутствуют на первом плане, не всегда выразительны. Всё же, покажем, какими их видели художники среди чукчей.

Чукотская собачья упряжка. Изображение из этнографического издания середины XIX в. Из: Семенов-Тянь-Шанский, 2010

Чукчи. Из: Troisieme Voyage..., 1782

Чукчи. Цветная репродукция иллюстрации из: Реклю, 1883—1884

Фотопортрет собаки жителей досоветской Чукотки находим только в книге М. Г. Дмитриевой-Сулимы (1911). Лайка, которая сохранилась до наших дней у береговых жителей этого края. Опишем её в соответствующей главе.

Голова чукотской лайки с Анадыря. М. Г. Дм.-Сулимы

Эскимосская лайка

Считать ли **собаку эскимосов** нашей северной собакой, т. е. лайкой? Говорить ли о ней в книжке о собаках *нашего Севера*? По трём причинам выходит, что да – говорить.

Причина первая. Эскимосы со своими лайками до сих пор живут не только на Аляске, но и на нашем материке, на самом краю Чукотки. Была и возможность запросто бывать на Аляске, меньше чем полтора столетия назад.

Вторая причина. **Эскимосская лайка** пришла на Север Америки с нашего Севера, родственна нашим собакам. Так думали и В. И. Йохельсон (Jochelson, 1905), и Л. Шренк (1899), и другие исследователи Севера, в т. ч. и многие наши современники.

Третья причина. В конце 19 – начале 20 вв. многими исследователями и «покорителями» Арктики и Антарктики, прежде всего иностранцами, название «**эскимосская собака**» употреблялось для всех береговых пород северных собак. В т. ч. наших – лаек. Такое представление остаётся почти до наших дней. Например, для известного полярника и писателя француза Поля-Эмиля Виктора (1980) **эскимосская собака** и ездовая собака вообще – почти синонимы: «**Собака эскимосской породы** – лайка или маламут, бывшая до недавних пор спутником всех полярных исследователей, остаётся одной из загадок Арктики». Поэтому очень трудно разобраться – лапа какой собаки (какой породы) первой ступила на северный и южный полюсы нашей планеты (заметьте – *первой, перед ногой человека*). Может быть, и там и там передовиками упряжек были лайки, приобретённые Робертом Элвином Пири и Руалом Амундсеном на нашем Севере. Чтобы ответить на этот вопрос, требуется специальное расследование с работой в архивах полярников.

Описание **эскимосской лайки** того времени возьмём у Брэма. Ведь нет уверенности в том, что великие полярники, характеризуя собак своих упряжек, говорят конкретно об этой породе (по указанной выше третьей причине).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.